

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(НИУ «БелГУ»)**

**ИНСТИТУТ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ И
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ**

**Кафедра русского языка, профессионально-речевой
и межкультурной коммуникации**

**ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ БЕСПИСЬМЕННОГО ЯЗЫКА МАЛОЙ
НАРОДНОСТИ В УСЛОВИЯХ ПОЛИЭТНИЧЕСКОГО СОЦИУМА (НА
МАТЕРИАЛЕ ШУГНАНСКОГО ЯЗЫКА
В ТАДЖИКСКО-РУССКОМ ОКРУЖЕНИИ)**

Выпускная квалификационная работа
обучающейся по направлению подготовки 45.04.01 Филология
очной формы обучения, группы 04011531
Назриддиновой Зарины Анваровны

Научный руководитель
д.пед.н., проф. Самосенкова Т.В.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	6
ГЛАВА I. Языковая политика как фактор возникновения и развития двухязычия и многоязычия шугнанцев.....	15
1.1. Основные социолингвистические понятия теории билингвизма.....	15
1.2. Фонетический аспект русской и таджикской речи шугнанцев.....	21
1.3. Грамматический аспект русской и таджикской речи шугнанцев.....	32
1.4. Конкретно-социолингвистическое исследование современного уровня таджикско-русского двухязычия.....	39
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ I.....	47
ГЛАВА II. Развитие лексики шугнанского языка как результат языковых контактов и многоязычия шугнанцев.....	50
2.1. Социально-исторические и этнокультурологические условия взаимодействия шугнанского, таджикского и русского языков.....	50
2.2. Грамматическое освоение заимствованной лексики.....	57
2.3. Образование собственно шугнанских слов на базе заимствований из русского языка.....	71
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ II.....	79
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	81
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	86
ПРИЛОЖЕНИЕ.....	95

ВВЕДЕНИЕ

Основой развития шугнано-таджикско-русского многоязычия послужили социально-экономические, политические и культурные преобразования, имевшие место на территории Бадахшана с XI века по настоящее время. Распространение таджикского языка было связано с распространением ислама и деятельностью Носири Хусрава, а распространение русского языка на было связано с установлением новых границ России на территории Памира. В советское время развитие шугнано-таджикско-русского многоязычия было обусловлено социалистическими преобразованиями: социальная перестройка осуществлялась при помощи русского и других народов СССР и вызвала приток квалифицированных рабочих, инженеров, врачей и служащих различных национальностей, в результате чего изменился этнический состав населения, в частности, произошел рост удельного веса русских, украинцев, татар и др. Многонациональный состав рабочего класса и интеллигенции обусловил широкое развитие шугнано-русского двуязычия. С развитием народного образования, без которого было немыслимо подлинное революционное преобразование в культуре, расширилась сфера применения как таджикского, так и русского языка во всех социальных слоях общества. И в настоящее время основным каналом распространения и развития шугнано-таджикско-русского многоязычия остается обучение русскому языку в общеобразовательных школах, ПТУ, вузах.

Распространению таджикского и русского языков на территории ГБАО способствует также развитая система средств массовой культуры и коммуникации — театра, эстрады, художественной самодеятельности, кино, телевидения, печати, радио. С развитием образования, науки и средств массовой коммуникации связано и функциональное развитие таджикского литературного языка: он стал средством получения образования в начальной,

восьмилетней, средней и высшей школе, языком оперного и театрального искусства, книгопечатания, науки, средством воздействия массовой коммуникации. Функциональное развитие языка коренной национальности республики обусловило и внутривидовое развитие таджикского литературного языка, особенно его лексической, словообразовательной и стилистической систем.

Мультиэтничность современных государств, смешение языков, попытки нивелировать взаимовлияние языков всегда вызывали огромный интерес ученых. В. фон Гумбольдт, Ф. де Соссюр, А.А. Потобня, Ж. Пиаже заложили лингвистико-методологические основы изучения этих вопросов. Согласно А.Е. Карминскому, который тщательно проанализировал и описал основы теории языкового взаимодействия, научная мысль развивалась от идеи гомогенной структуры языка к теории конвергентного их развития, языковому смешению и его формальному проявлению (креольские языки), к теории языковых союзов. У. Вайнрайх и З. Хауген сформулировали базисные идеи теории языковых взаимодействий. В России научную значимость подобных исследований обосновали И.А. Бодуэн де Куртенэ, А.А. Потобня, В.А. Богородицкий, Л.В. Щерба, Н.И. Жинкин, Е.Д. Поливанов, А.А. Леонтьев и др.

Следовательно, **актуальность** исследования заключается в том, что нами проанализированы возможности возникновения, существования, развития двуязычия и многоязычия шугнанцев.

Для бесписьменных языков особое значение имеет понятие «родной язык», особенно когда в 80-е годы было введено понятие «второй родной язык». Под родным языком мы склонны понимать исторически сложившееся средство общения этнической группы, к которой относит себя индивид. Все остальные языки, употребляемые наравне с родным или даже частотнее, являются функционально активными языками. Функционально активный язык - это средство повседневного общения, орудие выражения мыслей и

чувств, ставшее более необходимым в процессе трудовой, общественной и частной жизни индивида.

На территории ГБАО функционируют около 14 языков и диалектов, носители которых, контактируя между собой, могут стать билингвами. Социально значимым в жизни населения области является шугнано-таджикское и шугнано-русское двуязычие. Изучая реальный способ овладения этими типами двуязычия, мы выделяем комбинированный способ овладения русским языком, т.к. социально-демографические условия жизни шугнанцев обусловили два этапа в овладении таджикским и русским языками: опосредованный в период обучения в школе и непосредственный в ходе естественных контактов шугнанцев с носителями таджикского и русского языков. В качестве особой единицы социальной структуры общества выделяется семья, в которой может функционировать тот или иной тип двуязычия. На основе различных признаков и критериев, используя комбинаторную методику, в работе предлагается новая социолингвистическая типология двуязычия, функционирующего в ГБАО.

Степень разработанности проблемы. В современной лингвистике и социолингвистике существуют многочисленные исследования по различным вопросам теории языковых контактов и двуязычия (В.А. Аврорин, Л.Б. Никольский, А.Д. Швейцер, Е.М. Верещагин, Ю.Д. Дешериев, М.И. Исаев, М.Н. Губогло, В.П. Нерознак, Л.П. Крысин, В.Ю. Михальченко, Н.Б. Мечковская, А.Н. Баскаков, Р. Белл, Ч. Фергюсон, У. Вайнрайх, Э. Хауген, Дж. Фишман и др.). В то же время современные этноязыковые реалии выдвигают новые проблемы, которые ждут своего исследования и теоретического обоснования.

Наиболее весомыми в теоретическом и практическом аспектах являются исследования ученых СНГ, которые уделяют большое внимание многогранной проблематике билингвизма и полилингвизма. Об этом свидетельствуют проводимые конференции и симпозиумы, многочисленные статьи, монографии и защищенные диссертации, посвященные различным

аспектам теории языковых контактов. Интерес к проблемам национально-языковой политики, функционирования русского и других языков на постсоветском пространстве особенно усилился в последнее десятилетие (Алпатов 1997; Баскаков 1992; Губогло 1998; Сулейменова 1997; Дмитриук 2000; Насырова 1998; Эмирова 1997; Баскаков, Насырова, Давлатназаров 1995; Белоусов 2001; Городняненко 2000; Коряков 2002; Зеба 2000; Горячева 2003; Хашимов 2003, Сафонова 1996; Балханов 2002; Шарыпова 2004; Вафеев 2000; Чиршева 2004; Багироков 2005 и др.). Такой интерес связан, прежде всего, с образованием молодых государств, бывших республик СССР.

Объектом данного исследования является языковая жизнь бесписьменного малого народа в условиях полиэтнического социума.

Предмет исследования - функционирование бесписьменного языка малой народности в условиях полиэтнического социума, процесс и результат контактирования языка бесписьменного малого народа - шугнанцев - с языками крупных этносов.

Целью диссертационного исследования является синхронно-диахронное исследование этноязыковой ситуации Горно-Бадахшанской автономной области, и функционального распределения языков Таджикистана, обуславливающих аксиоматическое двуязычие и многоязычие шугнанцев.

Все вышеизложенное послужило основанием для постановки следующих **задач** исследования:

- выявить факторы, детерминирующие языковую ситуацию и языковую жизнь малого народа в полиэтническом социуме;
- изучить функциональное распределение языков в различных сферах жизнедеятельности таджиков (шугнанцев);
- проследить исторические предпосылки возникновения и условия функционирования и развития шугано-таджикско-русского многоязычия;

- определить условия функционального внутривидового развития шугнанского языка в наиболее значимых для развития шугнано-таджикско-русского многоязычия сферах;
- определить функционирующие в ГБАО типы и формы двуязычия и многоязычия;
- исследовать сущность таджикской и русской речи шугнанцев как особого речевого феномена на фонетическом, лексико-семантическом и грамматическом уровнях;
- проанализировать вхождение иноязычной лексики в шугнанский язык.

Теоретическая значимость исследования определяется тем, что исследование вносит вклад в теорию языковых контактов, уточняет и расширяет теоретические основы классификации билингвизма, интерференции, лингвистического и функционального статуса бесписьменного шугнанского языка в полиэтническом социуме. Полученные результаты, обобщения, выводы и методы исследования полилингвизма способствуют более глубокому освещению проблемы взаимодействия языков.

Практическая значимость диссертационной работы заключается в том, что она создает теоретическую базу: а) для выявления основы (базы) будущего литературного языка шугнанцев; б) для построения эффективной методики преподавания таджикского и русского языков в шугнаноязычной аудитории; в) для повышения культуры речи носителей таджикского и русского языков как дополнительных средств общения. Результаты и материалы диссертации могут быть использованы при чтении лекций по теории языкознания, в спецкурсах и курсах по выбору, при создании этнолингвистических словарей, при исследовании студентами и аспирантами языковых контактов.

Научная новизна исследования определяется тем, что шугнано-таджикско-русское многоязычие вообще не было объектом и предметом

специального комплексного лингвистического исследования, хотя его отдельные вопросы и затрагивались при решении других проблем. В исследовании предпринята попытка детализации изучения современного состояния в шуганоязычной аудитории, условий развития и современного функционирования конкретного типа билингвизма.

Методы исследования. Научная достоверность, значимость и успех комплексного исследования двуязычия и многоязычия зависят от выбранного научно-исследовательского метода, который определяется целями и задачами исследования. Среди многочисленных методов анализа такого сложного явления, как многоязычие, следует выделить метод конкретно-социологического исследования, который можно определить как систему научно-исследовательских приемов, используемых для изучения языковых контактов и функционирования языков в многоязычном социуме. Данный метод использует следующую систему основных научно-исследовательских приемов и методик: методика наблюдения и описания, прием анкетирования, интервью, методика опроса, методика идентификации и дифференциации, методика устного речевого эксперимента, методика письменного речевого эксперимента. Схождения и расхождения между таджикским, русским и шугнанским языками определялись сопоставительным методом. В целях выявления типичных интерферентных явлений в таджикской и русской речи шугнанцев использовались методика наблюдения, приемы сравнения и речевого эксперимента. Проанализировано более 35 тысяч фактов интерферентных явлений, извлеченных из различных источников: функционированием языков в сфере народного образования (школы и вузы г. Душанбе и г. Хорога), транспорта, промышленности, науки (научно-исследовательские институты АН РТ в г. Душанбе, Памирское отделение АН РТ в г. Хороге), общественно-политической жизни (в г. Душанбе и г. Хороге).

Эмпирическую базу исследования составляют: а) письменные тексты на таджикском, русском и шугнанском языках, извлеченные из письменных и

устных речевых сведений информантов, представляющих различные социальные слои таджикоязычного, русскоязычного и шугнаноязычного населения (рабочие, торговцы, педагоги, ученые, государственные служащие б) статистические данные по итогам переписи различных годов.

При этом использовалась как методика фиксирования устной речи на бумажном носителе от руки, так и на магнитных носителях. Мы выделяем организованные способы порождения речи (на уроках и занятиях в различных типах учебных заведений) и спонтанные способы порождения речи (выступления, реплики). В первом случае респондент отвечает по заданной теме, выступает с докладом или другой формой подготовленного выступления, а во втором случае он свободен в выборе темы и формы порождения речи. Подобная методика сбора материала позволила преодолеть психологический барьер информантам, которые не подозревают в подобных случаях о том, что ведется наблюдение за речью и анализируется степень владения языком. Языковой материал получил лингвистическую интерпретацию с точки зрения форм существования и сферы функционирования. Полевые записи фрагментов речи информаторов были осуществлены с учетом этнодемографических характеристик местности. Функциональная дистрибуция языков изучалась также путем анкетирования, результаты которого сведены в сводные диаграммы.

Эмпирическая база исследования. Получены ответы в общей сложности на 1,5 тысячи анкет в г. Душанбе и его окрестностях, а также в районе Рудаки, г. Вахдате, г. Нуреке, г. Турсунзаде. По ГБАО анкетирование проводилось в г. Хороге и населенных пунктах Шохдара, Порши-нев, Дарморахт, Гунт.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Бесписьменный шугнанский язык исторически занимает центральное место в этноязыковой ситуации Горно-Бадахшанской автономной области. Он выступает консолидирующим и объединительным фактором среди шугнано-рушанской группы языков, средством зонального (территориально

ограниченного) межэтнического общения. В функциональном отношении шугнанский язык в зоне компактного расселения выполняет существенные общественные функции, позволяющие ему, наряду с традиционной культурой, сохранять этническую идентификацию, несмотря на мощное воздействие функционально активных и развитых литературных таджикского и русского языков. В зоне дисперсного расселения шугнанцев родной язык выступает в функции индивидуализации этнической идентификации по принципу «свой - чужой», а также как средство семейно-бытового общения.

2. Функциональная дистрибуция языков в многонациональном государстве определяется полемым строением зоны общения: в центре зоны - родной язык как средство внутринационального (внутриэтнического) общения, на периферии зоны - второй (третий) язык как средство общения вне своей нации (народности, этнической группы). Бесписьменный шугнанский язык как один из миноритарных средств общения нельзя отнести к исчезающим или «больным» языкам (Кибрик 1992: 76-69), так как в социально-коммуникативной системе Таджикистана он занимает свою незамещаемую другим (таджикским, русским, английским) языком зону общения. Шугнанский язык на территории ГБАО обладает развитым функциональным статусом, так как он используется в устной форме не только в сфере семейно-бытового общения, но и в сфере производственной и общественной деятельности, частично в сфере образования, радиовещания, издания поэтических сборников и т.д. После обретения независимости республикой таджикский язык расширил свои общественные функции, на новом этапе развития находится билингвизм со вторым таджикским и русским языками.

3. Языковая политика и ее законодательное закрепление обуславливают функциональную дистрибуцию языков в многонациональном государстве, влияют на развитие того или иного типа двуязычия, на этнический состав населения.

4. Малые народы, особенно бесписьменные, находятся в зоне аксиоматического двуязычия - формы этноязыкового существования, предполагающего обязательное владение вторым функционально активным языком и обусловленного социальными и политическими факторами. Аксиоматическое двуязычие может быть однополярным и привести к смене родного языка или биполярным, которое ведет к многоязычию и сохранению родного языка малого народа в условиях воздействия двух или более функционально активных языков.

Апробация результатов исследования. Основные работы и положения магистерского исследования представлены в виде ежегодных отчетов на заседаниях кафедры русского языка, профессионально-речевой и межкультурной коммуникации Института межкультурной коммуникации и международных отношений, доклада на международной студенческой научно-практической конференции. По теме исследования опубликовано 6 работ.

Структура работы. Магистерская работа состоит из реферата, введения, двух глав, заключения и списка литературы.

ГЛАВА I. ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА КАК ФАКТОР ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ДВУЯЗЫЧИЯ И МНОГОЯЗЫЧИЯ ШУГНАНЦЕВ

1.1. Основные социолингвистические понятия теории билингвизма

Рассмотрение типов и форм двуязычия следует начать с осмысления основных понятий теории билингвизма - двуязычия и родного языка, которым только в последнее десятилетие посвящено значительное количество статей и монографических исследований (Залевская 1996; Зорина 1996; Сафонова 1996; Бабушкина 1997; Вишневская 1997; Майоров 1998; Кутявина 1999; Вафеев 2000; Сундуева 2004; Шарыпова 2004; Баги роков 2004; Блинохватова 2005 и др.).

Для малых народов двуязычие и многоязычие являются длительным языковым состоянием. Выход из состояния двуязычия в сторону монолингвизма может осуществляться только в пользу неродного языка, так как при двуязычии малых народностей второй язык, как правило, является функционально более развитым и активным, особенно у народностей, у которых отсутствует письменность на родном языке. Родной язык в зоне действия двуязычия и многоязычия обычно ограничивается рамками семейного и производственно-бытового общения, а также устного художественного творчества, т.е. применяется в немногочисленных сферах, хотя именно эти сферы занимают большое место в повседневной жизни малых народов. Все остальные среды и сферы обслуживаются вторым, а иногда и третьим языком.

Для малочисленных бесписьменных народов, использующих функциональноактивный язык крупной нации в качестве повседневного средства общения, особое значение имеет понятие «родной язык», так как однополярное двуязычие может привести к смене языка. В советский период было введено понятие «второй родной язык», которое можно было

рассматривать как безболезненную смену языка, как этап ассимиляции народов.

Памирские народы по паспорту значатся таджиками, а таджикский язык признается письменным литературным языком, который открывает дорогу к социальной, гражданской интеграции с таджикским народом. Учитывая отказ властей (дореволюционных, советских, постсоветских) при переписи населения предоставить право самим памирцам определять свою национальную принадлежность, можно полагать, что в будущем возможны два варианта развития событий: 1) возникнет единая нация с одним языком; 2) будут существовать два языка, две культуры, две религии, следовательно, и две национальные общности. На наш взгляд, рано или поздно придется признать самобытную национальную принадлежность памирских народностей. Именно поэтому вопрос о родном языке приобретает не только теоретический интерес, но и определяющий характер для будущности памирских народностей.

Понятие «родной язык» учеными трактуется по-разному. Одни ученые рассматривают как наименование языка, усвоенного в раннем детстве, другие под родным подразумевают язык, выученный первым, третьи - родным считают язык, который повседневно несет основную функциональную нагрузку и т.д. В.И. Беликов и Л.П. Крысин вкладывают в понятие родной язык следующее: «...родной язык - это язык, усвоенный в детстве, навыки использования которого в основном сохраняются и во взрослом возрасте; родных языков может быть более одного» (Беликов, Крысин 2001: 22). О возможности существования двух родных языков говорится во многих исследованиях советского периода, особенно по отношению к русскому языку. Однако этот термин носит скорее политико-характеризующий, чем социолингвистический характер. Вторым необходимым («родным») средством общения для малых народностей мог оказаться и язык нации, с которой они находятся в непосредственном контакте. Этот язык используется как письменный, как функционально активный язык в

организованных сферах общения, вне своей этнической общности и этнической территории.

Нами в корне отрицается возможность существования более одного родного языка, так как, во-первых, это недостаточно оправданно, во-вторых, возможность существования второго "родного" языка обычно влечет за собой вывод о безболезненности замены этнического языка, что мы частично имеем в ситуации с памирскими языками. Вместе с тем понятие двух родных языков отстаивается, потому что «людям не кажется чем-то ненормальным считать родными два языка, будучи при этом одной национальности» (Григорян 1994: 68). Данное утверждение возникает на том основании, что, например, ростовские армяне абсолютно одинаково используют свой этнический и русский языки, однако «родной язык всегда один, ибо такова его природа, и его сознательно не выбирают, как не выбирают родителей. Случаи двух языков, строго говоря, крайне редки, если возможны, что, разумеется, отнюдь не означает невозможности в совершенстве овладеть другим языком, который все же остается если не чужим, то неродным» (Костомаров, Григорьева, Хруслов 1990: 10-11).

В.А.Аврорин в понимании термина "родной язык" исходит из степени владения языком. В поддержку своей точки зрения автор приводит ситуации, когда человек утрачивает свой родной язык. Какой язык следует при этом считать родным? Известно, что отдельные представители того или иного народа с детства не знают своего родного языка. Так, по переписи 1989 года 5,1% представителей нерусских народов СССР назвали родным русский (Языки Российской Федерации..., II, 2001: 469).

Какой язык следует считать родным для шугнанцев, которые в основном в одинаковой степени владеют таджикским и шугнанским, имея в виду то обстоятельство, что шугнанский язык в настоящее время используется в максимально возможных общественных функциях. Таджикский язык несет основную функциональную нагрузку только потому, что шугнанский язык является бесписьменным, в силу чего выполняемые им

общественные функции ограничиваются бытом и сферой неофициального общения на производстве. Конечно же, и в этом нет никакого сомнения, несмотря на ограниченную употребительность шугнанского языка, для всех шугнанцев он остается родным языком. Следовательно, одного фактора степени владения языками не достаточно для определения родного языка, во всяком случае, в отношении к бесписьменным языкам.

Очень важным является правильное определение родного языка при решении вопроса о выборе языка как средства обучения. Для народностей Памира двуязычие на раннем этапе (дошкольный период) является условным, что создает возможность и необходимость выбора языка обучения (данный выбор имеет огромное значение, особенно для начальной школы). Выбор языка обучения во многом определяет успех всей образовательной и воспитательной деятельности школы. "Для практики школьного обучения языку весьма важно предварительно определить - родной он для учащихся или не родной. Если эта пропедевтическая операция выполнена правильно, а это достижимо лишь при научной трактовке самого понятия "родной язык", то успех всей школьной работы будет гарантирован более чем наполовину. Если же в определении родного языка учащихся допущена ошибка, то школьная работа неизбежно пойдет с излишними, неоправданными затруднениями, ибо в основу обучения языку может лечь не та, какая нужно, методика и может неверно быть избран язык преподавания как средство овладения всеми вообще знаниями" (Аврорин 1975: 128).

Малые народы практически лишены возможности самим определять язык обучения. При определении языка обучения шугнанцев - родной или таджикский - выбор сделан в пользу последнего. При этом не учитывается, что к моменту начала школьного обучения дети владеют только родным языком, например, шугнанцы. В нашем исследовании мы не ставим вопросы психолингвистического аспекта овладения вторым языком детьми дошкольного возраста (Негневицкая, Шахнарович 1981; Шахнарович, Юрьева 1990; Лепская 1997; Ушакова 1997; Цейтлин 2000). Для нас важен

макросоциолингвистический подход, так как вопрос идет о целой народности, численность которой составляет несколько десятков тысяч человек.

Сложным по своему содержанию, так же как и понятие "родной язык", является понятие "двуязычие" или "билингвизм". Несмотря на то, что данное явление уже достаточно давно привлекает пристальное внимание социолингвистов, психологов, демографов, в обширной литературе по проблеме билингвизма не существуют единого понимания и толкования термина "двуязычие". Различное понимание одного и того же явления свидетельствует о его многоаспектности. Следует выделить четыре аспекта двуязычия: социологический, лингвистический, психологический и педагогический. Исходя из понимания того или иного аспекта исследования, ученые дают различные толкования двуязычия, наиболее характерные из которых мы для сравнения приводим ниже.

Двуязычие - «два или несколько языков находятся в контакте, если ими пользуется одно и то же лицо» (Вайнрайх 1979:22). «Знание любых двух языков и пользование ими в повседневном общении и есть двуязычие» (Базиев, Исаев 1973:213). «Под национальным билингвизмом (двуязычием) понимается сосуществование двух языков в рамках одного языкового коллектива, использующего эти языки в различных коммуникативных сферах, в зависимости от социальной ситуации» (Попова, Стернин 2004:192). "Под двуязычием мы понимаем способность отдельного индивидуума или народа, или его части общаться (добиваться взаимопонимания) на двух языках" (Михайлов 1969:8). Двуязычие - это "психический механизм (знания, умения, навыки), позволяющие человеку воспроизводить и порождать речевые произведения, последовательно принадлежащие двум языковым системам" (Верещагин 1973: 134). "Владение двумя языками и попеременное их использование в зависимости от условий речевого общения мы будем называть двуязычием" (Розенцвейг 1972: 4). "Под двуязычием обычно понимают знание одним лицом, группой людей, частью народа или целой

народностью, кроме своего родного, еще одного языка" (Дешериев 1966: 327). «Двуязычие и многоязычие, как следует из буквального значения терминов, - это наличие и функционирование в пределах одного общества (обычно - государства) двух или нескольких языков» (Беликов, Крысин 2001:56). "О наличии двуязычия мы можем говорить там, где люди владеют вторым языком в степени, достаточной для согласования своих действий с носителями второго языка, для обмена мыслями. Знание двух языков может быть неодинаковым по глубине, богатству, совершенству, но, несмотря на это, в главном оба языка отвечают своему основному назначению - выступают как средство общения, как средство обмена мыслями и согласования совместных действий людей" (Ханазаров 1969: 45). Л.В.Щерба по способу усвоения второго языка вычленял искусственное двуязычие, когда язык усваивается через посредство школы, учителя, учебника, и естественное двуязычие, когда язык усваивается в процессе непосредственного общения с иноязычной средой (Щерба 1947: 54).

Из приведенного далеко не полного перечня определения двуязычия становится ясно, что авторы раскрывают сущность билингвизма с различных позиций, исследуют разные аспекты одного и того же явления. Объединяет эти определения, как и многие другие, не приведенные нами, присутствие в них важнейшего признака билингвизма: в его основе лежит языковой факт, хотя и вызываемый экстралингвистическими факторами.

В нашей работе мы исследуем билингвизм не индивида, а целого народа, т.е. такое двуязычие, которое социально значимо в жизни этноса. Малочисленные народы в современную эпоху обречены быть двуязычными, так как языковые контакты с крупной (большей по численности) нацией, народностью позволяют им выйти из этнической замкнутости, реализовать свои социальные и иные потребности. Социально значимое и обусловленное двуязычие малого народа мы называем аксиоматическим билингвизмом. Такой билингвизм по характеру направления воздействия может быть однополярным, если индивид, социум, этнос владеет вторым функционально

активным языком, который со временем может вытеснить родной (этнический, национальный) язык. Если малый народ находится в зоне влияния двух или более функционально активных языков, то он владеет биполярным двуязычием, т.е. является трехязычным (многоязычным). Биполярное двуязычие обуславливает использование одного из двух (трех) функционально активных языков в конкретных ситуациях общения, в конкретных речевых актах. Шугнанцы, как и другие памирские народности, владеют биполярным двуязычием со вторым функционально активным таджикским и русским языками.

В собственно лингвистическом аспекте под двуязычием мы понимаем попеременное использование двух или более языков в зависимости от условий речевого общения в коммуникативной, экспрессивной, конструктивной и аккумулятивной функциях. Использование же социумом, этнической группой двух и более языков только в коммуникативной функции определяет социально значимое двуязычие в макросоциолингвистическом аспекте.

1.2. Фонетический аспект русской и таджикской речи шугнанцев

В речи двуязычных и многоязычных индивидов отражается степень владения неродным языком, чаще наблюдается влияние одного языка на другой. Явление межъязыковой интерференции возникает при контакте двух и более языков, когда наблюдается взаимодействие соответствующих языковых уровней, в результате чего происходит нарушение норм одной языковой структуры под влиянием норм другой. «Всякое воздействие одного языка билингва на другой, а также результат этого воздействия называется интерференцией» (Беликов, Крысин 2001:32).

При усвоении второго языка в процессе осмысления нового языкового материала и при догадке о значении неизученных элементов второго языка

билингв может использовать произвольно в качестве опоры грамматические нормы любого из ранее усвоенных языков. Многочисленные исследования в этой области показывают, что наиболее сильное и выраженное влияние на усвоение второго языка оказывает в большей мере первый (родной язык).

Основным фактором, вызывающим интерференцию в русской речи нерусских, безусловно, являются типологические расхождения структур родного и русского языков. Однако структурные различия двух языков оказываются существенными при реализации системы второго языка на начальном этапе формирования и функционирования национально-русского билингвизма. На продвинутом этапе двуязычия тождественные или близкие единицы обоих языков в русской речи билингов оказываются подверженными интерференции. Следовательно, типологическое сходство единиц и категорий двух языков еще не является гарантией порождения правильной речи, т.к. в действие вступают законы системной организации речи, т.е. звучащая или письменная речь на втором языке находится еще и под непосредственным или опосредованным влиянием системы родной речи. Если структурные расхождения порождают потенциальное поле интерференции, то различия в системной организации речи обуславливают реальное поле интерференции, которое может соответствовать потенциальному полю или превышать его, или охватывать только его часть.

Весьма устойчивой в русской речи шугнанцев является интерференция на орфоэпическом уровне, т.к. звуковые системы русского и шугнанского языков, несмотря на ряд общих черт, различаются и количественно, и качественно. Интерференционные явления в русской речи шугнанцев обусловлены различиями в качестве гласных и согласных звуков, в характере словесного ударения, в интонационном построении высказывания и т.д.

В русском и шугнанском языках ударение является динамическим. Однако русское ударение является подвижным и разноместным, а в шугнанском языке закреплено на последнем слоге. Подобное различие в характере словесного ударения само по себе обуславливает отклонения от

норм орфоэпии в русской речи шугнанцев. Так, в высказывании «*Он подарил мне замок*» в зависимости от места словесного ударения в слове *замок* собеседник определяет значение слова. Эта омонимичность может нейтрализоваться общим смыслом высказывания, ситуацией общения или сочетаемостью слова с другими лексическими единицами. Так, вышеприведенное высказывание не станет двусмысленным даже при наличии неверной постановки ударения, если лексема *замок* будет иметь определения: «*Он подарил мне висячий замок*», «*Каменный замок стоял на холме*». В этих высказываниях неверная постановка ударения в любом слове не ведет к двусмысленности, т.к. данная минимальная интерференция нейтрализуется общим смыслом высказывания или самой системой организации единиц речи на других уровнях и, следовательно, не является релевантной.

Владеющий русским языком знает, что в русском языке ударение может падать на различные слоги. Это знание приводит зачастую к тому, что он ставит ударение не только на последнем слоге, как это принято в его родном языке, но и там, где его не должно быть. Если в шугнанском языке ударение, закрепленное на последнем слоге, не оказывает влияния на редукцию гласных в безударном положении, то в русском языке от места ударения зависит качественная или количественная редукция гласных в безударном слоге. Закрепленный в сознании произносительный стереотип в родной речи оказывает интерферирующее влияние не только при постановке словесного ударения в русской речи шугнанца, но и на произнесение гласных звуков в безударном положении.

Таким образом, динамичность, разноместность, подвижность русского ударения и качество произнесения гласных звуков носят взаимообусловленный характер, в то время как в шугнанской речи такой тесной зависимости между ударением и качеством гласных нет. Поэтому фонетическая интерференция в русской речи шугнанцев является актом сложных межуровневых отношений, а не только типологических различий в

системе вокализма или консонантизма. Русское ударение, с одной стороны, обуславливает качество произнесения гласных звуков, а с другой - посредством речевого такта связано с интонационным построением всей фразы.

В системе гласных звуков русского языка признак долготы или краткости звучания фонем не имеет релевантного значения, как, например, в шугнанском языке. И именно поэтому в русской речи шугнанцев наблюдаются несколько иные соотношения между основным звучанием гласных фонем и их вариантами и вариациями, чем в нормированной русской речи.

Анализ звучащей русской речи шугнанцев показывает, что специфический акцент в их речи возникает в результате особых отклонений от норм русского литературного произношения при использовании русских звуков в безударной позиции, так как звуковая система русского языка пропускается билингом через фонологическую систему родного языка. Этот фильтр действует не только на фонологическом, но и на фонетическом уровне, потому что интерференция возникает не только вследствие расхождений в системе фонем как типовых единиц двух контактных языков, но и в системе звуков речи как конкретных реализаций этих фонем. На разных ступенях двуязычия звучащая речь билинга представляет собой более сложное явление, чем речь одноязычного индивида.

Например, подударная фонема русского языка [а] в русской речи шугнанцев аналогична шугнанской: она может становиться более передней, сближаясь с шугнанской фонемой [а], и более задней, как при произнесении шугнанских слов *кал* «лысый», *касал* «больной» др., но может произноситься как долгое [а], как, например, в слове *кал* - «голова».

Как известно, в русском языке фонема [о], обладающая скользящей артикуляцией от более заднего и более закрытого к менее заднему и менее закрытому качеству, в своей основной тональности звучит только под ударением, а в остальных, безударных, слогах подвергается редукции. В русской

речи шугнанцев эта фонема практически не изменяется: в первом предударном слоге, после твердых согласных она звучит как [o] неполного, краткого звучания. Это объясняется влиянием шугнанской фонемы [o], которая во всех положениях сохраняет свои качественные и количественные признаки, а также влиянием графического изображения - под воздействием письменной речи шугнанцы часто «окают»: (*огород*), (*город*), (*окно*). Хотя шугнанская фонема [o] и обладает вариативностью, но эта вариативность, как показывают экспериментальные данные, свидетельствует об артикуляционно-акустической равнозначности этой фонемы. «Окающая» русская речь особенно заметна у сельских школьников, которые овладевает русским языком опосредованно: «*Ты пойдешь в чайхону?*» (*Ты пойдешь в чайхану?*). Слово “*пойдешь*” шугнанец произносит в соответствии с фонемным составом русского слова. Заимствованное же русским языком слово *чайхана* шугнанец произносит в соответствии с его исконно шугнанским звучанием: *чайхона*. Следовательно, «окающая» русская речь шугнанцев возникает не под влиянием русской диалектной речи носителей, а является следствием влияния вокализма родного языка.

Для носителей субординативного, а иногда и координативного типа шугнано-русского двуязычия представляет особую трудность произнесение русского гласного переднего ряда [и] и его варианта [ы]. Шугнанский звук [и] является более открытым и неустойчивым, чем в русском языке. В русской речи шугнанцев данное различие в основном не проявляется, особенно в закрытых слогах. Однако после заднеязычных [к], [х] русский звук [и] несколько расширяется и сближается со звуком [ы] с призвучием [и]: (*хыитрый*/ и (*хиитрый*), (*кыилограмм*) и (*кыилограмм*) вместо (*х'итрый*), (*к'илограм*).

Особенностью русской речи шугнанцев, как и в речи других народов, является постоянное смешение русских звуков [и] и [ы], особенно после парных по твердости-мягкости согласных: *был* - *бил*, *мыл* - *мил*, *пыл* - *пил*, *выл* - *вил* и т.п. В устной речи это смешение звуков чаще всего нейтрализуется

общим смыслом речи, сочетаемостью слов, количеством слогов и другими факторами. Например: *Он раньше бил милиционер. Азам вил как волк.*

К другой особенности русской речи шугнанцев относится произнесение звука [и] вместо [ы] в сочетании после всегда твердых гласных [ж] и [ш], в результате чего происходит позиционное смягчение этих согласных,: *ж'ить, ж'ивот, конц'и*, вместо (*жыть (жывот), (канцы)*).

Смещение звуков [и] и [ы] обусловлено не только отсутствием в шугнанском языке звука [ы] как варианта фонемы [и], но и отсутствием противопоставленности согласных по признаку мягкости-твердости, что очень часто приводит к интерференции, влияющей на смысл лексемы, т.е. отсутствие оппозиции по твердости-мягкости парных согласных фонем в шугнанском языке обуславливает релевантность минимальных отклонений в звучащей русской речи шугнанцев: *бил-был, тил-пыл; забил-забыл* и т.п.

К специфике русской речи шугнанцев в первой изоглоссе необходимо отнести и произношение гласных после мягких согласных, обозначаемых на письме буквами я, ю, ё. В устной русской речи, особенно при чтении у школьников младшего возраста, в произнесении сочетания «мягкий согласный + гласный переднего ряда» наблюдаются три тенденции:

1. Вместо гласных Я, Ю, Ё, обозначающих мягкость предшествующего согласного, звучат обычные гласные [а], [у], [о], [э]: так, при произнесении слов типа *пять, мать, салют, лук, мёд, лёд* в русской речи шугнанца звучит *пат, мат, салут, лук, мод, лод* вместо (*п'ат'*), (*м'ат'*), (*сал'ут'*), (*л'ук*), (*м'от*), (*л'от*).

2. Гласные в данной позиции разлагаются на два звука «й + соответствующий гласный»: *пйат, мйат, салйут, лйук, мйод, лйод*.

3. Между мягким согласным и гласным появляется краткий призвук, редуцированный гласный переднего ряда средне-верхнего подъема: *пъят, мъят, салъют, льйук, мъйод, льйод*. Третья тенденция обычно имеет место, когда подобные гласные находятся под ударением. Однако данная особенность произношения связана не с произнесением самих гласных, а с

явлением комбинаторного порядка и практикой преподавания фонетики русского языка в национальной аудитории.

Таким образом, сравнительно-типологический анализ парадигматики вокализма в русской речи шугнанцев и русского литературного произношения дает возможность определить не только сходство и различие в системе вокализма русской речи шугнанцев и вокализма русской нормативной речи, но и определить потенциальное поле интерференции в системе вокализма русской речи шугнанцев.

Из проведенного выше анализа можно заключить, что вокализм родной речи оказывает заметное влияние на вокализм русской речи шугнанцев. И это влияние обуславливает интерференцию максимального и минимального типа в зависимости от формы владения шугнано-русским двуязычием. Чем выше степень владения шугнанцами русским языком, тем меньше бросаются в глаза отклонения от норм русского литературного произношения. Причем интерференция в области вокализма в русской речи шугнанцев проявляется меньше, если гласные находятся в меньшей зависимости от синтагматических отношений, т.е. если гласные используются после твердых согласных, полумягкое произношение которых не оказывает влияния на восприятие содержания коммуникативной единицы. Потенциальное поле интерференции начинает обладать большей силой, когда парадигматика и синтагматика вокализма русской речи не имеет аналогий в парадигматике и синтагматике вокализма родной речи.

Функционирование согласных в русской речи шугнанцев обусловлено влиянием консонантизма родного языка, его парадигматических и синтагматических свойств. Основное поле интерференции при реализации русских согласных определяется наличием в системе консонантизма русского языка корреляции согласных по признаку твердости-мягкости, поскольку подобная корреляция в родном языке шугнанцев отсутствует.

Шугнанцы в своей русской речи произносят русские твердые согласные без должной твердости, а мягкие - без необходимой мягкости.

Если в устной речи шугнанцев отклонения от норм русской орфоэпии в области твердых согласных практически не ощущаются на слух (кроме всегда твердых [ж], [ш], [ц] русского языка), то недифференциация согласных по признаку мягкости ведет к явной интерференции. Так, без должной мягкости шугнанцы произносят согласные перед гласными переднего ряда, перед гласными а, у, о, обозначаемыми на письме буквами Я, Ю, Ё, в конце слова и перед мягкими согласными:

а) перед гласными переднего ряда: *дэрэо* (*дйэрэво*), *синий*, *лист*, *снег вместо* (*д'эр'эвь*), (*с'ин'ий*), (*л'ист*), (*с'н'эк*);

б) перед гласными, обозначаемыми буквами Ю, Ё, Я: *любов* (*лйубов*, *льйубов*), *луди* (*лйуди*, *льйуди*), *ров* (*рйов*, *рйов*), *пат* (*пйат*, *пйат*), *рад* (*рйад*, *рйад*) вместо (*л 'убоф '*), (*л уд 'и*), (*р 'оф*), (*п 'ат '*), (*р 'ат*);

в) перед мягкими согласными: *зэр* (*звйэр*, *звьйэр*), *листик*, *смэна* вместо (*з 'в 'эр '*), (*л 'ис 'т 'ик*), (*с'м 'эна*);

Отсутствие в родном языке фонологичности признака «твердость-мягкость» приводит к тому, что шугнанцы в своей русской речи сближают разные фонемы типа [р] и [р'], [л] и [л'], [н] и [н'], [м] и [м'], [в] и [в'], [б] и [б'] и т.д. с соответствующими согласными родного языка, считая их эквивалентными, поскольку место и способ образования данных согласных по основным показателям совпадают. Недифференциация согласных по твердости в русской речи шугнанцев менее заметна, она не ведет к сильной интерференции, т.к. использование согласных перед гласными среднего и заднего ряда (за исключением гласного [ы]) в принципе совпадает с использованием таких же согласных в родном языке.

Всегда твердые русские согласные [ж] и [ш] в русской речи шугнанцев перед гласными переднего ряда всегда звучат мягче, чем в русском литературном произношении: *ш'ина*, *ш'инэл*, *ж'изн* и *ж'изин*, *ж'ил*, вместо (*шына*), (*шын'эл'*), (*жыз'н*), (*жыл*).

Особенно часто в русской речи шугнанцев смешиваются звуки [л] и [л'], так как в родном языке шугнанцев звук [л] мягче русского твердого [л] и

тверже мягкого русского [л']. Поэтому вместо твердого [л] шугнанец произносит мягкий [л'] и наоборот: *Я хотелъ сказат (Я хотел сказать); Этот малчик - сильный (Этот мальчик - сильный)*.

Таким образом, шугнанец в своей русской речи твердые согласные русского языка отождествляет в основном с соответствующими согласными родного языка, а вместо мягких согласных под влиянием гласных переднего ряда произносит полумягкие согласные.

В русской речи шугнанцы практически не допускают отклонений при использовании коррелятивных согласных по признаку «звонкость-глухость», то есть данный фонологический признак достаточно закреплён в языковом сознании билингва. Правда, в слабой позиции все же наблюдается несколько приглушенное произнесение звонких согласных, которое не является релевантным отклонением, т.к. в устной речи сохраняется достаточная противопоставленность согласных по признаку «звонкость- глухость».

Отсутствующий в системе консонантизма шугнанского языка русский звук [ш'] в первой изоглоссе русской речи шугнанцев заменяется обычно долгим [ш]: *учашишийся (учащийся), шшека (щека)*. При произнесении буквосочетания (сч) в начале слова шугнанец в своей русской речи произносит иногда долгий мягкий [ш']; *ш 'астье (счастье)*.

Наличие в шугнанском языке долгих гласных создают в русской речи шугнанцев акцент «певучести».

Поскольку для шугнанского языка не характерны сочетания согласных в начале слова, то подобные сочетания также являются потенциальным полем интерференции в русской речи шугнанцев. Консонантные сочетания в начале русских слов обычно состоят из шумных глухих согласных или из глухих и звонких, шумных и сонорных, т.е. обычно начальные сочетания согласных строятся по восходящей звучности. При функционировании подобных сочетаний в русской речи шугнанцев между согласными появляется краткий протетический звук, сходный с призвуком [и] или с редуцированным гласным средневерхнего подъема переднего ряда и

возникающий во второй позиции безударных слогов у гласных фоном [a], [e], [o] после мягких согласных в русском литературном произношении [ы]: чыто (что), кыто (кто), съитук (стук), съивэт (свет), съиж'имат (сжимать) и т.п.

Интерференция в русской речи шугнанцев на интонационном уровне обычно не является коммуникативно значимой, хотя двуязычный шугнанец часто ошибается в интонационном построении русского высказывания, в постановке логического ударения, а также в фонетическом членении русской речи на речевые такты и фразы.

Нарушения интонационной системы русской литературной речи создают особый рисунок всего высказывания, который характеризуется оттенком монотонности, особенно при воспроизведении письменного текста. Интерференция при реализации интонационной системы русской речи обусловлена влиянием подобной системы родного языка, т.к. в родной речи функциональная нагрузка словесного ударения создает эффект плавности и равномерности понижения и повышения тона в различных типах высказывания. Интонационная же система русской речи более разнообразна, обладает большей гибкостью и разнообразными средствами варьирования интонации, в то время как интонационная система шугнанского языка более закреплена за определенными типами высказывания. Если в русском высказывании замена интонации повествования вопросительной является смыслоразличительной в ситуации общения, то статичность шугнанского высказывания всегда поддерживается лексическими и грамматическими средствами, поэтому даже намеренное изменение схемы, рисунка интонации высказывания не оказывает влияния на коммуникативную направленность высказывания, например, придание высказыванию жиниц *Sed(Идет снег)*. *Жиниц деддо (Снег идет?)*. В то время как аналогичное русское высказывание *Снег идет* при любой интонации будет обладать завершенностью, даже если отсутствует вопросительная частица ли, так как в данном случае интонация является значимым элементом, придающим

высказыванию эффект завершенности или повествовательного, или вопросительного высказывания.

Таким образом, отсутствие в шугнанском языке противопоставленности по твердости-мягкости (а не физических качеств) парных согласных, стремление к сохранению основного звучания фонем порождают в русской речи шугнанцев новые системные отношения между фонематической единицей и ее вариантами и вариациями, что и составляет специфику русской речи шугнанцев.

Вариантные разновидности одной и той же фонемы, реализуемой в русской речи шугнанцев, являются релевантными, коммуникативно значимыми, а вариационные отклонения той же фонемы не являются релевантными, так как эти отклонения нейтрализуются другими речевыми средствами других уровней. Нейтрализация тех или иных отклонений в речи билингва зависит от коммуникативной организации всех уровней речи, то есть в русской речи, например, шугнанцев, мы должны различать возникающие системные отношения, с одной стороны, между типовой единицей языка и ее разновидностями, реализацией в речи, а с другой - между единицей речи, например, фонетического уровня и единицей других уровней звучащей речи.

Итак, нейтрализация интерференции минимального типа зависит:

1) от уровневой организации внутри самого фонетического слова и отношений между фонетическим словом и другими единицами фонетической речи двуязычных;

2) от уровневых и системных отношений между единицами фонетического, лексико-семантического и грамматического уровней речи билингвов.

Следовательно, системные отношения вокализма и консонантизма двух контактных языков порождают потенциальное поле интерференции в таджикской и русской речи шугнанцев, а системные отношения звуков речи обуславливают конкретное поле интерференции и способ ее проявления.

1.3. Грамматический аспект русской и таджикской речи шугнанцев

Проблема грамматической интерференции, проявляющейся в механизмах речевой деятельности двуязычных, лежит в плоскости взаимодействия отдаленно родственных шугнанского и русского и близкородственных шугнанского и таджикского языков. В основном ошибки интерферентного характера обусловлены отсутствием и несовпадением грамматических категорий в перечисленных языках.

Минимальной единицей речи, выражающей мысль человека, является высказывание, которое соотносится с простым предложением в системе языка. Если признать, что «простое предложение - это такое высказывание, в основе построения которого лежит отвлеченный грамматический образец (структурная схема, предикативная основа), специально предназначенный языком для построения отдельной относительно самостоятельной единицы сообщения» (Русская грамматика, И, 1980:7), то предложение и высказывание следует признать тождественными, в то время как каждая из этих единиц обладает собственной организацией, собственными параметрами измерения. Предложение - это не случайный набор слов, а модель, «заполненная» лексическим материалом» (Ломов 2004: 244) и образованная по грамматическому образцу, основывающемуся на определенных законах, выработанных общественным мышлением носителей языка.

Как и в русском языке, в шугнанском языке главные члены, будучи связанными по смыслу и грамматически, образуют предикативный центр, выражающий предикативные отношения. Грамматическая связь между главными членами предложения в обоих языках основана на координации. За пределами этого общего начинаются различия, которые и вызывают интерференцию, а именно, формы выражения согласования в русском и шугнанском языках имеют свои специфические особенности, связанные с морфологической структурой каждого из названных языков.

В обоих языках сказуемое координируется с подлежащим в лице и числе:

я говорю - wus лум, мы говорим - маш лувам
ты говоришь - ту луве, вы говорите - тама лувет
он говорит - йу луувд они говорят - wath лувен

Координация достигается системой личных окончаний, причем каждая временная форма одновременно является формой лица и числа. В русской речи шугнанцев в согласовании в лице и числе даже в первой изоглоссе наблюдаются незначительные нарушения. Не имея в прошедшем времени форм лица, глагол-сказуемое в русском языке согласуется с подлежащим в роде и числе. В шугнанском языке подобного согласования даже в прошедшем времени не происходит. Поэтому неумение согласовать главные члены предложения в роде является одной из основных ошибок в русской речи шугнанцев: *Производственная практика проходил летом; К нам приехал певца из России; Его давление стала быстро опускаться; Дверь был закрыт на замок.* Наибольшее количество нарушений встречается в согласовании глагольных сказуемых с именами среднего рода, так как этот род отсутствует в шугнанском языке, затем с именами женского рода; самое меньшее количество ошибок в определении мужского рода, так как этот род признается как начальная форма.

В современном русском языке категория падежа представлена шестью формами, каждая из которых является носителем определенного комплекса категориальных морфологических значений, основными из которых являются объектное, субъектное и определительное значения. Объектным значением определяется отношение предмета к действию, которое направлено на этот предмет, субъектным значением определяется отношение предмета к действию, которое совершается этим предметом, определительные значения с самых различных сторон характеризуют отношение предмета к другому предмету. В шугнанском языке категория падежа отсутствует, что создает потенциальное поле интерференции, хотя в

структуре языка имеются средства выражения перечисленных значений. Сложным для шугнанцев также представляется категория рода русского языка. Несмотря на то, что в шугнанском языке и есть грамматическая категория рода, но, в отличие от русского языка, в нем различается только мужской и женский род. Разными в рассматриваемых языках также являются и средства выражения данной категории.

Самой распространенной ошибкой в русской речи шугнанцев является употребление формы именительного падежа вместо косвенных падежей. Отсутствие самой категории падежа, форм именного словоизменения в шугнанском языке представляет собой потенциальное поле интерференции, хотя объектные и другие значения находят свое грамматическое оформление в соответствии с законами сочетаемости слов самого шугнанского языка. По аналогии с родным языком шугнанцы часто пользуются начальной формой имени - формой именительного падежа: *Именно народ создавал культура. Зеленый патрул охраняет растения, а не животные.* Наибольшее количество нарушений (более 50%) употребления именительного падежа вместо других падежей приходится на конструкции с винительным падежом. Связано это, прежде всего с высокой частотностью употребления словосочетаний с винительным прямого объекта в русском языке.

Анализ русской речи шугнанцев показывает, что именительный падеж имени существительного используется практически вместо любой падежной формы, особенно на начальной стадии овладения языком, но даже на продвинутом этапе, даже на более высокой ступени двуязычия формы именительного падежа чаще используются вместо винительного падежа.

В русской речи шугнанцев использование именительного падежа вместо остальных падежей очень велико. Достаточно много ошибок наблюдается в употреблении именительного падежа вместо родительного падежа. Эти ошибки так же объясняются интерферирующим влиянием шугнанского языка. В родном языке шугнанцев ни после количественных числительных, ни после количественных слов основа не изменяется: *банка —*

качак, банки - качакен, но три банки - арай ка-чак, много банок — лап качак. Это свойство шугнанского языка переносится и на второй язык, в результате чего наблюдается использование именительного вместо родительного падежа: *Я работаю в организации три год (вместо го-да); В библиотека мы нашли много документы по истории Памир (вместо документов); В нашей семье четыре дети, два брат и два сестра (вместо детей, брата, сестры).*

Имя прилагательное в шугнанском языке не имеет категории числа: *башанд куд - «хорошая собака»: башанд куден - «хорошие собаки»; хушруй кахой - «красивая женщина»: хушруй кахойен - «красивые женщины».* Это вызывает особые трудности для шугнанцев при согласовании прилагательных и существительных в русском языке: *удобный туфли, синий занавески, оранжевий майки.* Часто наблюдаются ошибки при согласовании в числе глагола и существительного: *В кабинете висел семейные фотографии. На свадьбе все мужчины нашего села танцует.*

Шугнанский и русский языки различаются использованием форм единственного и множественного числа. В шугнанском языке отдельные имена существительные обозначают и родовые, и видовые понятия: *ангур-«виноград и виноградник», мун - «яблоко и яблоня»: Узум тамард йе чалак мун вуд (Я принес вам ведро яблок).*

Самым сложным для шугнанцев представляется согласование в числе количественно-именных сочетаний: *В нашей группе учится три студента из Худжанда. Десят человек из нашего факультета не вышел на субботник. Несколько девочек сейчас танцует национальный танец.*

Таким образом, грамматическая интерференция носит парадигматический, синтагматический или смешанный характер. В устной и письменной речи шугнанцев наблюдается как межъязыковая интерференция, основанная на идентификации функционирования языковых единиц в русском и шугнанском языках, так и внутриязыковая интерференция, обусловленная воздействием закономерностей русского языка. Интерференция чаще всего появляется в сфере тех форм и моделей, которые

отсутствуют в родном языке или же имеют в нем отличительные особенности, например, категория падежа (60% ошибок приходится на грамматическое использование частей речи, имеющих категорию склонения), рода, числа, возвратной формы глагола, согласования и т.д. Дифференциация категорий, опирающихся только на грамматические признаки русского языка, представляется наиболее сложной, и в основном именно эти категории составляют потенциальное поле интерференции. Значительно меньшее количество ошибок отмечается в русской речи шугнанцев в употреблении тех грамматических категорий, которые имеют параллели в родном языке, например, категория времени, категория одушевленности/неодушевленности, лица и т.д.

По своей частотности употребления предложный падеж в русской речи шугнанцев занимает одно из ведущих мест, в том числе и для выражения объектного значения. Большинство интерференционных явлений падает на употребление начальной формы слова вместо предложного падежа: *Он бил модный, всегда ходил в красивая майка. По новый метод он работал на 4 ткацкий станки.* Уже во второй изоглоссе русской речи шугнанцев подобная интерференция носит нерегулярный характер.

Из всех предлогов, имеющих в распоряжении системы русского языка для выражения объекта (орудия действия, объекта действия), в русской речи шугнанцев используется преимущественно предлог *с*, соотносительный с предлогам шугнанского языка *штэ*: *Мой друг Али часто советуется с своими родителями.* Предлог *с* в русской речи шугнанцев появляется и в тех глагольно-именных сочетаниях, в которых в русском языке значение орудийности совмещает в себе значение способа действия: *Моя одноклассница очень любит писать с чернильная ручка. Очень трудно забивать гвоздь с топором.*

Слабо представлено в русской речи шугнанцев именное управление, особенно в первой и второй изоглоссе. Связано это, прежде всего, с тем, что управляющее слово обычно отглагольного происхождения или обладает

значением процесса, действия: доверие учителям, помощь ученикам. Если в первой изоглоссе подобные сочетания обычно заменяются на глагольное управление — *доверять учителям, помогать ученикам*, то во второй изоглоссе использование падежных конструкций «имя + имя в дат. п.» обычно ведет к интерференции и применяется конструкция «имя+имя в род.п.», или «имя+имя в вин. п.». И лишь в третьей изоглоссе русской речи шугнанцев наблюдается сравнительно высокое и правильное употребление названных конструкций. В первой изоглоссе русской речи шугнанцев не встречается выражение объектного отношения при помощи форм дательного падежа в безличных предложениях типа: *Наташе хотелось выглядеть современной; Ребенку не спится*, которые обычно заменяется личными предложениями (*Наташа хочет выглядеть современной; Ребенок не хочет спать*).

Выражение пространственных значений занимает одно из ведущих мест в системе русского и шугнанского языков. Под пространственным значением мы понимаем наиболее общее значение, которое объединяет значения направления, места, времени, способа, причины и следствия действия. Как показывают наши материалы, интерференция при выражении того или иного пространственного значения в русской речи шугнанцев обусловлена в основном теми же причинами, что и при выражении объектного значения. Однако влияние родного языка на русскую речь при выражении данных значений оказывается особенно заметным, так как в шугнанском языке предложные конструкции являются ведущими при выражении действия во времени и пространстве, отношения действия к объекту во времени и в пространстве. На первой, второй и третьей ступенях владения национально-русским двуязычием влияние потенциального поля интерференции оказывается подавляющим, так как речевые произведения, в которых выражается пространственное значение, представляет собой, на первый взгляд, набор немотивированных предложных конструкций,

осложненных к тому же интерференцией на фонетическом и лексико-семантическом уровнях.

В шугнанском языке значение направления действия к объекту или место совершения действия выражаются при помощи предлога *ар* (место) и *тар* (направление). Эти два фактора оказывают решающее влияние и на частотность использования предлогов *в* и *на*, и на интерференцию при использовании их в русской речи шугнанцев: *Каждый раз он в занятиях прерывал учителя. В нашем курсе он был самый лучший. На цехе были установлены новые станки.*

Интерференция в русской речи шугнанцев при выражении комплексных значений (несколько значений совмещаются в одной падежной форме) занимает особое место. Например, поскольку значение места и цели русского языка в предложно-падежном сочетании типа *пойти на свидание, ехать на прополку* в родном языке шугнанца-билингва четко дифференцируется использованием определенных предложных конструкций, то в его русской речи возникает интерференция, причем проявляется она как в употреблении падежных форм, так и в выборе предлога. Например, при выражении значения места и цели: *Студентов повезли для сбора яблок на старый автобус*; значения места и ситуативного состояния: *Мы вынуждены были работать под дождь, снег, гроза*; значения места и способа: *Марат ударил его по плечу*; значения времени и места: *Мансур выступил на вечере долго и красиво*; значения времени и цели: *Каждый раз из дома мне давали на дорога продукты.*

Таким образом, многообразие интерферентных явлений в русской и таджикской речи шугнанцев на грамматическом уровне обусловлено в первую очередь различиями в грамматическом строе родного и русского языков, составляющего каркас языка. Отсутствие грамматических категорий вида, падежа, двуполярность рода в шугнанском языке порождает потенциальное поле интерференции, а различие способов выражения грамматических значений синтаксическими средствами при наличии

сходных грамматических категорий обуславливает реальное поле интерференции. Вместе с тем, нельзя не заметить, что отдельные интерферентные явления в области употребления видовременных форм глагола и падежных форм имен объясняются не только различием структуры двух языков, но и экстралингвистическими факторами, т.к. грамматическая интерференция в русской и таджикской речи шугнанцев обусловлена в определенной степени сложившейся практикой порядка и характера изучения лексико-грамматических категорий слов, которая копирует характер следования изучаемых частей речи в школах с русским языком обучения.

Системный характер языка наиболее четко и последовательно проявляется при овладении грамматическим строем второго языка. На первом этапе овладения русским и таджикским языками влияние системы родного языка и родной речи является основой для проявления интерференции. На втором этапе усвоенные правильные навыки и умение порождения речи на втором языке образуют свою собственную систему. Если на первом этапе овладения вторым языком саморегуляция речи находится под воздействием системы родного языка, то при более высокой степени двуязычия усвоенные стереотипы второязычной речи оказывают сопротивление влиянию системы родного языка.

1.4. Конкретно-социолингвистическое исследование современного уровня таджикско-русского двуязычия

В данном параграфе на основе анкетирования и опроса дается социолингвистический анализ общего состояния таджикско-русского двуязычия. При исследовании необходимо было определить влияние 1) этнических условий проживания населения (одноязычное или иноязычное окружение); 2) средств массовой коммуникации; 3) уровня образования; 4) занятости населения на производстве. В этом отношении г. Душанбе

представлял для нас определенный социолингвистический интерес, так как здесь таджики живут в иноязычном окружении. В Душанбе проживает более 35% городского населения Таджикистана, в нем сосредоточен основной производственный и социокультурный потенциал. Рост городского населения в республике осуществляется в основном за счет естественного прироста и путем сельско-городской миграции.

Данный анализ основывается на материалах анкетирования 800 представителей таджикской национальности. Поскольку основное внимание уделяется двуязычию городского населения, была поставлена задача: исследовать функционирование русского языка среди таджиков-горожан, потому что именно эта категория населения оказывает существенное влияние на удельный вес таджико-русских билингов, а также на степень владения вторым языком. Жители г. Душанбе подверглись выборочному, но квотному анкетированию в соответствии с удельным весом той или иной социально-профессиональной группы. Анкетирование сопровождалось опросом и устным речевым экспериментом.

В соответствии с социальной и профессиональной структурой таджикского населения выборочному анкетированию и опросу подверглись девять социально-профессиональных групп, четыре основные возрастные категории населения четырех образовательных уровней. Методика социолингвистического исследования сопровождалась устным письменным речевым экспериментом (600 человек), в результате чего было собрано свыше 900 речевых произведений, содержащих около 30 тысяч словоупотреблений.

Среди лиц, подвергшихся анкетированию, было 69 работников сферы обслуживания, 40 работников промышленности и строительства, 117 работников торговли, 47 работников транспорта, 47 работников просвещения, 58 работников науки, 21 работник искусства, 64 работника здравоохранения, 246 представителей других профессий (приложение №1). О

свободном владении русским языком среди них заявили 456 респондентов, что составляет 57 % от общего числа анкетированных.

Однако фактическое использование русского языка в его активной или пассивной форме различными профессиональными и демографическими группами в сфере производства, семейно-бытовых отношений, духовной жизни и межличностных контактов обусловлено потребностями трудовой и общественной жизни. Русский язык активно используется в сфере производства материальных благ рабочими промышленных предприятий, строителями, работниками транспорта, связи, сферы обслуживания, науки, культуры, образования, здравоохранения, служащими государственных органов, то есть представителями тех категорий населения, которые испытывают естественную потребность в русском языке в силу характера труда, протекающего обычно в многонациональной среде. Так, из 800 горожан-таджиков в процессе трудовой деятельности используют русский и таджикский языки 362 анкетированных, или 45%, из них 113, или 14 %, на производстве говорят только на русском языке (приложение №2).

Особо значительна роль русского языка в сфере духовной жизни. Он используется (наряду с родным языком) таджиками-билингвами при чтении специальной и художественной литературы. На таджикском и русском языках читают политическую литературу 416, или 52% респондентов, из них 292 (70%) читают только на русском языке; художественную литературу на русском языке читают 492 опрошенных, или 61% от общего числа анкетированных, из них только на русском языке читают 345 респондентов (70%); литературу по специальности на русском и таджикском языках читают 498 (62%>), из них только на русском языке - 368, или 74%; газеты и журналы читают на русском и таджикском языках 638 (81 %), из них только на русском языке - 323, или 51 % (приложение № 3).

Не менее значительна роль русского языка при просмотре телепередач, кинофильмов, спектаклей, концертов, при прослушивании радиопередач, лекций. На русском и таджикском языках смотрят телепередачи 501 (88 %)

опрошенных, из них 420 (60%) только на русском языке. Республика Таджикистан принимает передачи РТ (первый канал), в республике стало очень популярным кабельное телевидение и параболические антенны, что дает широкие возможности для телезрителей.

Радиопередачи слушают на русском и таджикском языках 512 опрошенных, или 77% от общего числа респондентов, из которых только на русском языке слушают 340 (55%). Слушают концерты на русском и таджикском языках 560 респондентов (70 %), из них 267 (48 %) слушают концерты только на русском языке. Смотрят кинофильмы на русском и таджикском языках 500 респондентов (88 %), из них только на русском языке смотрят кинофильмы 475 опрошенных, или 68 % (приложение № 4).

Основным средством получения новых знаний в учебных заведениях, общественных клубах остается такая форма, как лекция. Данная форма часто используется и на русском языке. На русском и таджикском языках слушают лекции а) по специальности 452 информантов (57%), из них только на русском языке - 370 (82%); б) по общественно-политическим проблемам - на русском и таджикском языках 386 респондентов, или 48 %, из них только на русском языке - 332 (86 %); в) о международном положении - на русском и таджикском языках слушают 382 респондента (48 %), из них только на русском языке - 308, или 81 % (приложение № 5).

В сфере межличностных отношений основными средствами общения билингвов-таджиков продолжают оставаться таджикской и русский языки. По данным проведенного анкетирования, на вопрос: «Какой язык Вы используете при общении...» мы получили следующие результаты:

а) «...с женой/мужем» на таджикском и русском языках общаются 173 респондента (21%), из них 92 (53 %) общаются только на русском языке;

б) «...с родителями» на русском и таджикском - 212 (26%), из них только на русском - 103 (48 %);

в) «...с детьми» на русском и таджикском - 196 (24%), из них только на русском - 88 (45 %);

г) «...с братьями и сестрами» - на русском и таджикском -273, или 34 %, из них только на русском языке - 141, или 52 % (приложение № 6).

Анализ ответов на вопросы анкеты и устный опрос показывают, что, несмотря на достаточно активное использование русского языка в различных сферах общения, «удельный вес владеющих и использующих русский язык ниже показателей советского периода» (Хашимов 1986; Крысин 1989). Связано это, прежде всего, с массовой миграцией русскоязычного населения и перераспределением общественных функций таджикского и русского языков в Республике Таджикистан вообще и в г. Душанбе в частности. «На 2% сократилась доля владеющих русским языком таджиков, что вызвано естественным приростом таджиков на 42% за период между переписями и наличием младших возрастных групп, не владеющих русским языком» (Баскаков, Насырова, Давлатназаров 1995:26).

Основным каналом распространения таджикско-русского двуязычия является изучение русского языка в общеобразовательной и высшей школе, а также средства массовой коммуникации - телевидение, кино, печать, радио. Городское население, многонациональное по составу, обуславливают максимальный уровень функционирования русского языка, так как производственная и общественная деятельность вызывает естественную потребность в овладении русским языком как средством межнационального общения. Различные условия функционирования русского языка отражаются на активности/пассивности проявления таджикско-русского двуязычия и на степени владения языком.

Таким образом, геополитические факторы мирового развития оказывают влияние и на функциональную дистрибуцию языков в многонациональных государствах. Распад Советского Союза привел не только к образованию новых независимых государств, но и к новому функциональному перераспределению мировых языков. Геополитические изменения оказывают прямое или косвенное влияние и на функционирование других национальных языков, обладающих более низким статусом на

мировой арене, меньшим объемом общественных функций. В эпоху глобализации экономики, однополярной или многополярной мировой политики неизбежно возникает конкуренция ведущих держав не только в сфере мировой политики, экономики, но и культуры, языка. Хотя русский язык и уступил английскому сферу распространения в определенных географических зонах (Восточная Европа, Юго-Восточная Азия), однако он не перестал быть мировым языком. Происходящие в России изменения (устойчивый уровень социального, экономического и политического развития России, достижения в гуманитарных областях) в начале XXI века обуславливают в будущем закономерное возвышение России и роли русского языка на мировой арене. У России достаточно рычагов, международных структур и организаций, способных поддержать популярность русского языка, русской культуры, русской литературы во многих странах мира.

До революции в Таджикистане таджикский, русский, узбекский и арабский языки употреблялись как литературные, наряду с которыми на территории Бадахшана функционировали бесписьменные языки памирских народностей. Функциональная нагрузка перечисленных языков распределялась следующим образом: таджикский язык применялся в очень ограниченных сферах социальной жизни, в функции государственного языка использовался русский язык, на котором велись официальная переписка и делопроизводство, религиозная служба осуществлялась на арабском языке, на нем же проводилось обучение в духовных семинариях. Бесписьменные языки памирских народностей использовались в функции разговорных языков среди их носителей.

Языковая политика, связанная с социальными и идеологическими преобразованиями, создание самостоятельной Республики Таджикистан оказали существенное влияние на изменение общественных функций употребляемых в данном регионе языков.

В советский период социально-коммуникативная система Таджикистана характеризовалась расширением общественных функций национальных языков. Сфера использования таджикского, узбекского, киргизского, русского и других языков расширялась. Они впервые начинают использоваться в функции средства обучения сначала в начальной, а затем и в средней общеобразовательной школе. В сфере среднего специального и высшего образования нерусское население получало образование сначала на русском языке, а затем и на таджикском и узбекском языках. В первой половине XX века таджикский язык становится языком государственного управления, науки, культуры, производства, средств массовой коммуникации (печати, радио) и т.п. Таджикский язык не реализовал полностью свои потенциальные функциональные возможности: преподавание в вузах технических, медицинских, юридических, сельскохозяйственных и др. велось на русском языке, который стал вытеснять язык титульной нации из сферы государственного управления, суда, правопорядка, делопроизводства. Фактически русский язык выполнял функции государственного языка, хотя такого юридического статуса не имел, так как не имел ограничений ни в одной сфере жизнедеятельности многонационального народа: его функции выходили далеко за рамки средства межнационального общения.

Нереализованные общественные функции таджикского языка, как и некоторых языков титульных наций в бывших союзных республиках, стали поводом для выступлений интеллигенции за «восстановление функций языка» или же «гармонизацию языковых функций», т.е. приведение их в соответствие с социальными потребностями и культурными притязаниями народа. Принятые Законы о языках в национальных республиках, а затем и самостоятельных государствах огромное внимание уделяют повышению престижа национальных языков, упрочению его позиций в различных сферах социальной жизни населения. Посредством языкового законодательства, наделяющего определенные языки некоторыми нормативно-правовыми

функциями, государство воздействует на функциональную дистрибуцию языков, на коммуникативные процессы в обществе.

В Республике Таджикистан можно выделить три социолингвистические зоны, обуславливающие двуязычие и многоязычие: северную зону (характеризуется высоким престижем таджикского, узбекского и русского языков), южную зону (характеризуется высоким престижем таджикского и русского языков). В этой зоне можно выделить две субзоны: Джиргитальский район (характеризуется высоким престижем киргизского, таджикского и русского языков) и Шаартузский и Турсунзадевский районы (характеризуются высоким престижем узбекского, таджикского и русского языков). Третья социолингвистическая зона - восточная, или бадахшанская (характеризуется широким использованием местных языков, таджикского и русского языков). В данной зоне следует также выделить субзону - Мургабский район (характеризуется широким использованием киргизского, таджикского, русского и шугнанского языков).

Для малых народов Памира влияние русского языка и русской культуры оказывает противодействие ассимиляционным процессам, которые могли бы иметь место, если бы памирские народности испытывали воздействие только таджикского языка и таджикской культуры. Такое одностороннее и однополярное воздействие на шугнанский язык и шугнанскую культуру, действительно, могло привести к таджикизации. Нейтрализация ассимилятивных процессов обусловлена тем, что малые народы, их языки и культуры имеют возможность находиться в пространстве двух функционально активных языков и культур, которые в отношении друг друга находятся в состоянии нейтрализации. Однополярное двуязычие, в отличие от полилингвизма (биполярного двуязычия), обладает большей силой воздействия на ассимилятивные процессы. Полилингвизм способствует сохранению родного языка малого народа. Об этом свидетельствуют не только история памирских народностей, но и материалы взаимодействия языков Дагестана.

Языковая политика в постсоветских республиках обусловила сначала максимальное повышение юридического и фактического статуса государственных языков и зачастую сопровождалась искусственным снижением реального функционирования русского языка. Введение в действие Законов о языке было проведено без какой-либо подготовительной работы: нужен был более длительный срок для массового обучения государственному языку, что незамедлительно выдвинуло ряд непредвиденных социальных проблем. Значительная часть населения, не владеющая государственными языками, встала на путь массовой миграции на историческую родину. В последние годы происходит «выравнивание» функционирования русского и национального языков: получает более широкое развитие двустороннее двуязычие таджиков и русскоязычного населения.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ I

1. Несмотря на многовековую общую судьбу памирских народностей и таджиков, процесс ассимиляции не произошел. Родной язык, религия, народная культура обуславливают самобытность народов, язык же является тем бастионом, который определяет и охраняет самосознание народа. Признание двух родных языков является этапом для признания обязательности смены родного языка в историческом будущем. Возможность существования второго "родного" языка обычно влечет за собой безболезненную смену этнического языка, что мы частично имеем в ситуации с памирскими языками. Необходимо различать, с одной стороны, родной язык монолингва и двуязычного индивида, с другой стороны, родной язык и функционально активный язык билингва. Под родным языком мы склонны понимать исторически сложившееся средство общения этнической группы, к которой относит себя индивид. Все остальные языки, употребляемые наравне с родным или даже чаще, являются функционально активными языками. Функционально активный язык - это средство

повседневного общения, орудие выражения мыслей и чувств, ставшее необходимым в процессе трудовой, общественной и частной жизни индивида, социума, этноса.

2. Для малых бесписьменных народов, включая шугнанцев, свойственно аксиоматическое двуязычие, так как они свои социальные и иные потребности могут удовлетворить только при помощи другого функционально активного языка, принадлежащего крупной (большей по численности) нации, народности. Аксиоматическое двуязычие по характеру воздействия на малый народ может быть однополярным (собственно двуязычие) или биполярным (многоязычие). Шугнанцы владеют биполярным двуязычием со вторым функционально активным таджикским и русским языками. Под двуязычием в собственно лингвистическом аспекте мы понимаем попеременное использование двух или более языков в зависимости от условий речевого общения в коммуникативной, экспрессивной, конструктивной и аккумулятивной функциях. Использование социумом, этнической группой двух и более языков только в коммуникативной функции определяет социально значимое двуязычие в макросоциолингвистическом аспекте.

3. Следует отметить, что таджикизмы, в отличие от русизмов, подвергаются меньшим фонетическим изменениям, во-первых, из-за родства таджикского и шугнанского языков и, во-вторых, ввиду длительного контакта названных языков. Грамматическая адаптация иноязычных слов проявляется в том, что не имеющие рода существительные таджикского языка в шугнанском наделяются названной категорией, существительные трех родов русского языка в шугнанском распределяются по двум родам. Все имена существительные заимствуются в единственном числе. Множественное число образуется при помощи формообразующих суффиксов шугнанского языка. Наиболее существенным влиянием таджикского языка является постепенное вытеснение исконных количественных числительных, развитие форм вежливости в обращении к собеседнику.

4. Предметом лингвистической типологии билингвизма и полилингвизма является определение языковой компетентности билингва, его способности создавать речевые произведения на втором языке в соответствии с нормами. Степень проявления речевой интерференции, нарушения норм речевых произведений, созданных на втором (третьем) языке, определяется по отношению к системе литературного языка как эталона. Интерференция в речи билингва является результатом взаимодействия родного и второго языка в сознании билингва.

5. Интерференция может проявляться на фонетическом, грамматическом, лексико-семантическом и стилистическом уровнях при реализации в речи системы второго или третьего языка. Овладение вторым языком - это сложный и длительный процесс создания новой языковой системы в сознании билингва для отображения объективной действительности.

6. Многообразие интерферентных явлений в таджикской и русской речи шугнанцев обусловлено, в первую очередь, типологическими различиями родного, таджикского и русского языков. Отсутствие отдельных лексико-семантических, грамматических фонетических категорий в контактных языках порождает потенциальное поле интерференции, а различие способов выражения этих категорий и значений иными или близкими языковыми средствами обуславливает реальное поле интерференции.

ГЛАВА II. РАЗВИТИЕ ЛЕКСИКИ ШУГНАНСКОГО ЯЗЫКА КАК РЕЗУЛЬТАТ ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ И МНОГОЯЗЫЧИЯ ШУГНАНЦЕВ

2.1. Социально-исторические и этнокультурологические условия взаимодействия шугнанского, таджикского и русского языков

Каждый язык на протяжении своей истории в той или иной степени подвергается иноязычному влиянию, так как народ, носитель языка, в разные периоды своего развития вступает в различные по характеру и по интенсивности экономические, политические и культурные связи, которые оставляют определенные следы в языке. Несмотря на ряд общих, типологических признаков языковых контактов, на наш взгляд, необходимо различать взаимодействие двух типов языков: 1) контакты функционально развитых, имеющих богатую письменную традицию языков и 2) контакты языков малочисленных народов с функционально активными языками, которые обуславливают одностороннее заимствование. Различие данных типов языковых контактов проявляется прежде всего в интенсивности процесса заимствования, который в бесписьменных языках протекает в условиях отсутствия нормативной деятельности общества и аксиоматического двуязычия.

Ираноязычные народы, в том числе и шугнанцы, на протяжении длительного исторического периода проживали компактно, что послужило одной из основных причин взаимопроникновения лексической системы контактирующих языков. Свидетельством длительных интенсивных связей и непосредственных языковых контактов, продолжающихся до сих пор, с тюркоязычными народами служит большой пласт тюркизмов в иранских языках и, наоборот, наличие большого пласта иранских по происхождению слов в тюркских языках. Арабское завоевание и принятие ислама стало основой пополнения тюркских и иранских языков словами арабского

происхождения. Общность исторической судьбы этих народов, а также испокон веков сложившиеся традиционные приемы хозяйства вели к постоянному общению народов, к обмену опытом, установлению родственных связей, развитию общих интересов. Все это способствовало взаимообогащению не только материальных культур, но и языков, в результате чего увеличилось взаимопроникновение языковых фактов.

Советский период сосуществования языков в едином государстве, когда по ряду объективных причин русский язык использовался как основной язык государства, характеризуется проникновением во все языки народов СССР русизмов и через посредство русского языка слов из европейских языков. Распад государства и период становления новых постсоветских государств на раннем этапе сопровождались пуристическими настроениями.

На основе обозримого исторического периода (вторая половина XIX века и по настоящее время) контактов шугнанцев с другими народами нами сделана попытка анализа развития лексической системы шугнанского языка в условиях его интенсивных контактов с другими языками. Языковые контакты в рассматриваемом регионе наблюдаются в разных формах, а именно: взаимодействие и взаимопроникновение языков на основе территориальной близости; существование длительного периода многоязычия народа; наличие общего литературного языка и языка межнационального общения.

Естественный язык является системой, в которой различные части влияют друг на друга и поэтому подчинены целому. Одним из существенных достижений современной лингвистики является формирование отношения к естественному языку как к адаптивной системе. Язык изменяется с целью выполнения своих функций, в первую очередь основной, коммуникативной. Языковая система обладает механизмами саморегулирующего и самоорганизующего контроля, которые изменяют язык в направлении оптимально устойчивого состояния и оптимальной адаптации к его окружению. На основе системно-функционального подхода удастся

объяснить неслучайность свойств языка и процессов языкового развития. Следовательно, для выявления механизмов и тенденций развития языковой системы важно наблюдать языковые процессы, происходящие в период наиболее интенсивного изменения языкового окружения, в частности, социальных, политических, культурных перемен. Наблюдения за изменениями в языковой системе позволяют сделать выводы об общеязыковых тенденциях.

Наиболее интенсивно изменения происходят на лексическом уровне, так как именно лексика является наиболее подвижной подсистемой, непосредственно реагирующей на изменения языкового окружения.

Выделим три основных фактора, которые определили результаты взаимодействия шугнанского, таджикского и русского языков:

1) обусловленность функционального развития шугнанского языка культурно-историческими условиями. На территории Таджикистана вообще и Горно-Бадахшанской автономной области в частности на разных исторических этапах общественные функции шугнанского, таджикского и русского языков были различными (см. главу первую), что непосредственно отражалось на процессе взаимодействия этих языков;

2) обусловленность развития лексики бесписьменного языка функциональной активностью языка. Взаимодействие языков ведет к обогащению всех контактирующих языковых систем. Но языки с большим объемом общественных функций, с более развитой лексико-семантической системой, литературными традициями (таджикский и русский языки) вносят большой вклад в развитие бесписьменного (шугнанского) языка, имеющего ограниченные общественные функции. Влияние шугнанского языка на таджикский и русский языки практически нулевое, если не учитывать язык русских, русскоязычных носителей и таджиков непосредственно на территории Шугнанского района. Различная степень близости шугнанского и таджикского языков, с одной стороны, и шугнанского и русского языков, с другой стороны, предопределяет различную степень влияния, так как

«структурная и генетическая близость языков, взаимодействующих при двуязычии, при прочих равных условиях способствует взаимодействию этих языков; наоборот, их структурная и генетическая отдаленность препятствует этому процессу» (Баскаков и др., 1969: 13);

3) обусловленность количественного и качественного пополнения словарного состава бесписьменных языков длительностью и интенсивностью языковых контактов (Вайнрайх 1979).

Процессы взаимодействия языков влияют на их внутривидовое развитие, однако степень проницаемости различных уровней при этом не является одинаковой, что обуславливается характером организации каждого языкового уровня. Поскольку именно словарный состав языка чутко реагирует на социально-экономические изменения в жизни народа, наибольшей проницаемостью при взаимодействии обладает лексический ярус. Фонетические и морфологические особенности проникают в язык только вместе с лексикой. Именно поэтому рассмотрение процессов взаимодействия языков начинается обычно с лексико-семантического уровня.

Среди причин заимствования традиционно выделяют экстралингвистические и собственно языковые факторы. К экстралингвистическим относятся следующие:

- культурное влияние одного языка на другой;
- наличие устных или письменных контактов стран с разными языками;
- повышение интереса к изучению определенного языка;
- авторитетность языка-источника (что приводит к заимствованию многими языками из одного и появлению интернационализмов);

Среди языковых факторов выделим следующие:

- отсутствие в родном языке эквивалентного слова для нового понятия (основная причина заимствования);

- тенденция к использованию одного заимствованного слова вместо описательного оборота;
- потребность в детализации соответствующего значения; невозможность образования производных от исконных терминов (Беликов, Крысин 2001: 108; Крысин 1968: 108; Шанский 1972: 86-87; Фомина 1990: 181 и др.).

Среди процессов, связанных с пополнением словаря шугнанского языка, определенное место занимает заимствование иноязычной лексики как один из способов номинации новых явлений, а также замены существующих наименований. Заимствование является одним из важнейших факторов развития языков. Оно увеличивает лексическое богатство, служит источником новых корней, словообразовательных элементов и точных терминов. Проблема языкового заимствования была предметом исследования многих ученых, занимавшихся проблемами взаимодействия языков, особенно в советский период, когда взаимодействие русского и национальных языков достигло своего пика. При анализе этих работ можно обнаружить противоречия, связанные с традиционным пониманием заимствования и с новым представлением о языковых процессах и структуре языка.

Обогащение лексики шугнанского языка происходит в основном тремя путями: 1) образованием лексических неологизмов на базе собственных лексических и словообразовательных элементов шугнанского языка; 2) заимствованием иноязычной лексики; 3) созданием семантических неологизмов, т.е. семантическими изменениями заимствованной и исконной лексики.

Под влиянием таджикского и русского языков в условиях широкого распространения шугано-таджикско-русского полилингвизма более интенсивно проходит и процесс обогащения лексической системы шугнанского языка.

Всю лексику можно условно разделить на эквивалентную, безэквивалентную и псевдоэквивалентную.

Первая группа отражает некоторые универсальные когнитивные свойства. Хотя полной эквивалентности между единицами (не только словами, но и отдельными значениями) двух языков практически не существует, можно говорить об условной эквивалентности единиц нескольких языковых кодов, обозначающих сходные (или одни и те же) денотаты.

Вторая группа содержит значения, которые не имеют эквивалента в языке-рецепторе. Единственным способом передать эти значения является заимствование единиц из языка-источника. В ряде случаев эти заимствования используются только для обозначения иноязычных реалий, а в ряде случаев языковое заимствование происходит одновременно с заимствованием соответствующей реалии (предмета, понятия или действия).

Третья группа, как и эквивалентная лексика, имеет соответствия, однако эквивалентность в данных случаях является лишь внешней. На самом деле соответствующие единицы языка-источника и языка-рецептора обладают денотативными и, как следствие, семантическими различиями. Семантический сдвиг приводит к тому, что возникает потребность в заимствовании. Заимствованное наименование занимает ранее пустовавшую семантическую нишу и, следовательно, легко осваивается лексической системой.

Языковая ситуация также влияет на мотивы и характер лексической интерференции. Если носитель только одного языка пользуется только исконным лексическим материалом и заимствованиями, которые были переданы ему предшественниками, то в ситуации билингвизма двуязычный индивид использует в качестве источника лексических инноваций еще один язык. Кроме того, в условиях ситуации билингвизма лексическая интерференция может быть обусловлена социокультурными причинами. Говоря о последних, следует упомянуть социальную значимость языка-

источника, когда заимствование происходит по мотивам престижа, и прямо противоположные цели, когда другой язык связан с неблагоприятными ассоциациями. Наконец, может иметь место заимствование слов другого языка под влиянием аффекта, когда внимание говорящего отвлекается от формы и содержания сообщения.

Роль вышеперечисленных факторов легко прослеживается в лексических заимствованиях, благодаря которым словарь шугнанского языка пополнялся за счет стандартного русского и таджикского языков. Итак, экстралингвистическими причинами лексических заимствований в шугнанском языке являются:

1. Социальный престиж владения русским и таджикским языками.
2. Ограниченные социальные функции бесписьменного шугнанского языка.

3. Традиционные исторические связи таджикского и русского народов.

Заимствованной считаем лексику, если:

1) слово передано фонетическими средствами шугнанского языка (графические средства опускаются из-за отсутствия письменности);

2) заимствованное слово соотносится с грамматическими классами и категориями шугнанского языка;

3) наблюдается семантическое освоение иноязычного слова;

4) отмечается регулярная употребляемость заимствованного слова в речи;

5) фонетическое освоение заимствований;

6) грамматическое освоение слова.

Как уже отмечалось, в бесписьменных языках заимствование предпочитается словообразованию и поэтому словообразовательную активность слова мы не включаем в условия вхождения иноязычного слова в лексическую систему шугнанского языка.

Рамки хронологической отнесенности исконной лексики шугнанского языка, равно как и других языков шугнано-рушанской группы, по мнению

языковедов, «восходят к разным уровням древности. Часть лексем беспрепятственно возводится к индоевропейскому уровню. Другая часть может восходить к общеарийскому (индоиранскому) уровню, когда от индоевропейских корней были образованы новые для того периода слова. Часть слов восходит к общеиранскому уровню или более поздним - общевосточноиранскому, общесевернопамирскому, и, наконец, ряд лексем имеет более позднее образование, при том, что все они строятся из исконного материала» (Эдельман 1985:64-65). К исконной лексике можно отнести такие пласты лексики, как термины родства, названия частей тела, растений, а также местоимения, числительные до десяти (далее используются числительные таджикского языка), большинство глаголов.

Выделение собственно таджикизмов в лексике шугнанского языка представляется весьма сложным ввиду тесного генетического родства шугнанского и таджикского языков, а также отсутствия письменной фиксации заимствований в момент перехода из одного языка в другой, когда «новизна» слова еще ощущалась. Еще сложнее сделать это теперь, когда заимствованная лексика уже подчинена фонетическим и грамматическим законам шугнанского языка, а некоторые слова более широко употребляются в шугнанском языке, чем в таджикском и его диалектах, тем более, что в таких случаях и «исследователь вряд ли может руководствоваться принятыми раз и навсегда принципами» (Стеблин-Каменский 1982:11).

2.2. Грамматическое освоение заимствованной лексики

Фонетическое освоение в шугнанском языке слов, заимствованных из русского, таджикского и посредством этих языков, сопровождается и морфологическими преобразованиями. С изменением звукового облика и приспособлением заимствований к фонетической системе шугнанского языка зачастую под влиянием морфологических норм заимствующего языка

видоизменяются, а иногда утрачиваются те грамматические признаки, которыми они обладали в языке-источнике. Формальные показатели определения грамматической категории (в заимствованиях из русского языка, например, родовые окончания) не переходят в заимствующий язык вместе с его реляционным значением, если они не свойственны грамматической системе заимствующего языка. Заимствованное слово «может быть усвоено в том случае, если оно выступает в неосложненном своими прежними формальными показателями виде, то есть представленным одной из форм слова вне связи с другими словами» (Ефремов 1959:22). Грамматический строй, в отличие от других ярусов языка, является наиболее устойчивой его частью. Словообразовательные элементы заимствуются вторым языком, как правило, при наличии большого пласта заимствованных слов с одной и той же морфемой, которые в заимствующем языке образуют целую группу. Со временем отдельные морфемы данной группы могут стать продуктивными для второго языка и образовывать в нем новые слова в сочетании с исконной лексикой по законам аналогии. Не могут заимствоваться сами по себе также и отдельные грамматические категории. Однако в результате языковых контактов могут претерпевать изменения собственные грамматические категории. На нашем материале данный тезис находит подтверждение на примере числительных шугнанского языка, у которых под влиянием таджикского языка появился новый разряд - дробные числительные. Следует отметить, что развитие грамматического строя, равно как и других ярусов языка, как результат языковых контактов может иметь место только при наличии социальной потребности. В случае отсутствия последней иноязычные элементы не входят в заимствующий язык или закрепляются в нем в качестве окказиональных элементов грамматики.

Языковые контакты шугнанцев и таджиков своими корнями уходят вглубь веков. Таджикский язык оказал большое влияние на шугнанский язык всех его уровнях. Широкий круг заимствований из таджикского языка, из которого в шугнанский вошли не только имена существительные, но и, в

отличие от заимствований из русского языка, имена прилагательные, числительные и отдельные слова из других частей речи.

Заимствованные из таджикского слова рассмотрим с точки зрения их 1) морфологического состава; 2) способа грамматического оформления в шугнанском языке.

Основная часть заимствований из таджикского языка приходится на существительные. По своему морфологическому составу они охватывают все представленные в таджикском языке лексико-грамматические разряды существительных: конкретных, абстрактных, вещественных и др. Шугнанским языком заимствованы существительные как с неприводной основой (*ариза*<*ариза* «заявление», *ама*<*амма* «тетя по отцу», *арра*<*арра* «тила», *гач*<*гач* «известь»), так и слова с мотивированной основой (*зиндаге*<*зиндаги* «жизнь», *пустин*<*пустин* «шуба», *науоёсанда*<*нависанда* «писатель»).

Значительную часть среди заимствований составляют сложные слова, которые можно разделить на три группы: 1) сложные существительные, образованные соединением двух основ: *насабнума*<*насабнома* «описание родства», *китобхуна*<*китобхона* «библиотека»; 2) сложные слова, образованные посредством присоединения к сложным существительным суффикса -й (-гй): *панчосолаге*<*панчосолагй* «пятидесятилетие», *дудилаге*<*дудилагй* «сомнение», 3) сложные существительные, образованные соединением двух глагольных основ при помощи соединительных гласных -у-, -о-: *рафто-мад*<*рафтуомад* «взаимопосещение», *да\уодам*<*даводав* «беготня». В большинстве заимствований из таджикского языка членимость слова на морфемы сохраняется. Так, например, в слове *сам>догар*<*савдогар* «прода-вец» выделяется корень *самдо*<*савдо* «торговля» и словообразующий суффикс -гар, в сложном слове *мактаббача*<*мактаббача* «школьник» вычлениваются оба компонента *мактаб*<*мактаб* «школа» и *бача*<*бача* «ребенок».

При определении особенностей грамматического оформления заимствований из таджикского и русского языков в шугнанском языке мы исходим из двух факторов: 1) наличие/отсутствие в шугнанском языке тех грамматических категорий, которые характерны для таджикского и русского языков; 2) наличие/отсутствие в шугнанском языке морфологических средств, эквивалентных русским и таджикским.

Грамматическое оформление заимствованных существительных из таджикского языка в шугнанском в первую очередь отражается в категории рода. Категория рода была присуща всем древнеиранским и некоторым среднеиранским языкам. В большинстве современных иранских языков данная грамматическая категория утрачена, сохранившись лишь в курдском языке, языке пушту и в памирских языках: шугнанском, мунджанском, язгулямском, рушанском, рошорвском языках и их диалектах.

В литературе встречаются две основные точки зрения на категорию рода в шугнанском языке. Сторонники одной из них считают категорию рода в памирских языках реликтовым явлением (Ефимов 1975, т.П: 7; Карамхудоев 1973: 60 и др.). Представители другой точки зрения рассматривают категорию рода как «одну из важнейших в грамматической структуре этих языков, обладающую сложным набором средств выражения, неоднородных по своему характеру и месту в системе рассматриваемых языков, связанную со всеми основными уровнями языковой структуры» (Карамшоев 1978: 9; также: Соколова 1973: 184). Наиболее достоверной нам представляется вторая точка зрения, которую можно дополнить следующими доводами. В отличие от таджикского, где категория рода отсутствует, и от русского, где различаются три рода, в шугнанском языке два рода - мужской и женский. Категория рода в шугнанском языке выражается тремя способами: лексическим, морфологическим и синтаксическим.

Как и в любом другом языке, в шугнанском языке имеются слова, обозначающие живые существа по признаку пола: *нан* «мать», *тат* «отец», *йах* «сестра», *вирод* «брат». Но в шугнанском языке в классе слов,

называющих живые существа, биологические признаки рода получили грамматическое оформление, так как наблюдаются системные, закономерные рефлексии одних и тех же гласных, «специализирующихся» для обозначения не только биологического вида живых существ, но и грамматической категории мужского и женского рода. Подобные форманты выполняют не фонетические, а скорее, фонеморфологические функции одновременного различения пола и категории рода. Такое утверждение основывается на том, что полностью сохраняется не только консонантное окружение данных формантов, но и фонеморфологическая структура слова в целом. Возникает вопрос: если это не фонетическое явление, не переогласовка, как принято называть данный процесс (см. работы Карамшоева Д., Карамхудоева Н., Курбонова Х., Бахтибекова Т. и других), то какова подлинная роль корневых гласных в словах куд «кобель» и кид «сука», чух «петух» и чух «курица»? Если слова типа *гац* «девочка», *гака* «мальчик», *буч* «козел», *ваз* «коза» являются собственно лексическими средствами выражения как биологического пола, так и грамматической категории рода, то слова *куд* и *кид*, *чух* и *чух* и подобные закономерно смыкаются с аналогичными способами выражения категории рода и в других частях речи (проникновение категории рода в сферу других частей речи является, видимо, инновацией). Следовательно, корневые форманты, во-первых, сами по себе системны и закономерны, во-вторых, наличие двух грамматических категорий рода - мужского и женского - обуславливает единую функциональную нагрузку: одни форманты (-у, -у, -б, -й-) служат для различения мужского рода, другие (-и-, -а-, -а-, -е-) используются для обозначения женского рода. В этом нас убеждает так же категория рода в прилагательных, функция которых - выражать признак семантической отнесенности, а не грамматической принадлежности, так как лексико-грамматическая отнесенность того или иного слова зависит от синтаксической функции. Ср.: «*На хаб дароз вад*» - «*Та ночь была длинная*», «*хаб йу хдвд*» - «*Ночью он спал*». «*Йид хаб кор*» - «*Это ночная работа*».

Попытка определить основные принципы дифференциации по родам заимствованной лексики была предпринята М.Файзовым, который фонетическую перегласовку рассматривает как один из продуктивных способов родовой дифференциации и безоговорочно распространяет данный принцип на все классы недифференцированных по роду существительных и даже на заимствованную лексику. Ср.: «Слова, заимствованные из таджикского, русского и через них из других языков, используются по правилам, свойственным рушанскому языку: слова, имеющие в основе гласные -у-, -у-, -у- -б-, относятся к мужскому роду, слова, имеющие в основе гласные -а-, -а-, -ё-, -о-, относятся к женскому роду» (Файзов 1966:25). В результате подобного распределения к мужскому роду отнесены слова женского рода и наоборот. А в отдельных примерах автор, правильно определяя род, отходит от принятого им «универсального» принципа определения родовой принадлежности. И совсем не ясно, как по морфологическому признаку М.Файзов определил род таких приведенных им заимствований, как каромдт «*кровать*», *пустин* «*шуба*», *кастум* «*костюм*», *крнун* «*закон*», которые содержат гласные как мужского, так и женского рода.

Конечно же, среди заимствований из таджикского языка есть слова, корневая гласная которых совпадает с инфиксами мужского или женского рода. Так, в словах мужского рода *гул*<*гул* «*цветок*», *фйл*<*фил* «*слон*» гласные корня соответствуют инфиксам мужского рода, а в словах *ранда*<*ранда* «*рубанок*», *танга*<*танга* «*монета*» корневые гласные совпадают с инфиксами женского рода. Но подобные соответствия являются случайными. Корневые гласные не выполняют функции родоразличительных показателей в заимствованных словах, о чем свидетельствуют многочисленные примеры несовпадения корневой гласной и родовой принадлежности существительного. Так, слово *гач*<*гач* «*известь*» - существительное мужского рода с корневой гласной -а-, *бдб*<*боб* «*глава*» - существительное женского рода с корневой гласной -о-. Приведенные

примеры свидетельствуют о том, что данный принцип не является последовательным даже в ряду односложных слов и совершенно неприемлем в отношении к лексическим единицам, имеющим в основе более одной гласной.

Исследованный нами материал показал, что при распределении по родам заимствований из таджикского языка, прежде всего, необходимо учитывать принцип соотнесенности слова с той или иной лексикосемантической группой. Так, к женскому роду относятся:

1) названия музыкальных инструментов, термины искусства и литературы: *чанг/чанг* «щипковый музыкальный инструмент», *даф*<*даф* «бубен», *рабдб*<*рубоб* «струнный музыкальный инструмент», *рубойэ*<*рубои* «четве-ростишие», *достун*<*достон* «повесть», *ббб*<*боб* «глава»;

2) названия фруктов: *гулдс*<*гелос* «черешня», *шафтоле*<*шафтолу* «персик», *ангурд*<*ангур* «виноград»;

3) названия верхней одежды и головных уборов: *пустин*<*пустин* «шуба», *талпак*<*телпак* «шапка», *лембл*<*румол* «платок»;

4) названия предметов домашнего обихода: *сандук*<*сандук*, «сундук», *болах*<*болишт* «узкое одеяло для сидения на полу», *крлйн*<*крлин* «ковер»;

5) слова, обозначающие орудия труда: *тавар*<*табар* «топор», *бел* <*бел* «лопата», *суун*<*сухрн* «напильник».

К мужскому роду относятся:

1) названия овощей: *пиёз*<*пиез* «лук», *сйр*<*сир* «чеснок», *карам*<*карам* «капуста»;

2) названия тканей: *чйт*<*чит* «ситец», *атлас*<*атлас* «атлас», *бахмал*<*бахмал* «бархат»;

3) названия одежды (кроме названий верхней одежды и головных уборов): *курта*<*курта* «рубашка, платье», *кафх*<*кафш* «деревянная обувь», *муза*<*муза* «сапог»;

4) слова, обозначающие отвлеченные понятия: *акд*<*акд* «ум», *зен*<*зен* «талант», *фйкр*<*фикр* «дума»;

5) военная терминология: *саф*<*саф* «строй», *аскар*<*аскар* «солдат», *м*>*учум*< *хучум* «атака»;

6) названия пищевых продуктов: *асал*<*асал* «мед», *фатйр*<*фатир* «особый вид лепешек», *хамер*< *хамир* «тесто».

Из всего вышеизложенного следует, что указанный принцип родовой дифференциации заимствованных слов является достаточно последовательным и непротиворечивым. Каждая лексико-семантическая группа слов может объединять слова, независимо от состава гласных корня. Родовая соотнесенность не зависит от характера корневых гласных, что достаточно наглядно прослеживается на заимствованном материале.

Необходимо отметить, что родовая дифференциация по принципу лексико-семантических групп свойственна исконным словам и в самом шугнанском языке.

Таким образом, анализ привлеченного материала еще раз подтверждает непродуктивность морфологического способа родовой дифференциации. При определении родовой принадлежности недифференцированных по роду существительных (как исконных, так и заимствованных) более универсальным остается синтаксический способ, когда род определяется по связи слов с дифференцированными по роду прилагательными, глаголами и указательными местоимениями. Заимствованная лексика в большей степени отражает продуктивность и развитость синтаксического способа выражения категории рода.

Кроме имен существительных, шугнанским языком из таджикского заимствованы также и имена прилагательные. Отличительной особенностью таджикского языка является то, что грань между существительными и прилагательными обозначена очень слабо. Имена существительные и имена прилагательные вне контекста не имеют специальных морфологических

показателей, на основе которых можно было бы отнести их к разным частям речи. Существительные и прилагательные различаются лишь по своей семантике. Часть слов вне контекста нельзя отнести ни к существительным, ни к прилагательным. Так, например, слово *мусафед* в предложении «*Илол мис лап мусафед*» («*Илол тоже очень старый*») является прилагательным, а в контексте «*Йид мусафед ас ка йат?*» («*Откуда пришел этот старик?*») оно выступает уже как существительное. Формальными различительными признаками имен существительных от прилагательных является отсутствие у прилагательных категории числа и в большинстве случаев категории рода и наличие данных категорий у имен существительных, а также то, что качественные прилагательные образуют сравнительную и превосходную степени. Как указывалось выше, в отличие от существительных имена прилагательные не имеют формы множественного числа. Поэтому, выступая в роли определения перед существительным во множественном числе, прилагательные, как правило, употребляются в единственном числе: *башанд гац* «хорошая девочка», *башанд гацён* «хорошие девочки».

Огромный пласт заимствованной из таджикского языка лексики в шугнанском языке составляют имена числительные. В шугнанском языке числительные представлены пятью разрядами: 1) количественные; 2) неопределенно-количественные; 3) порядковые; 4) разделительные; 5) дробные.

Количественные числительные, которые обозначают в целых единицах отвлеченное число или определенное количество однородных предметов, в шугнанском языке представлены числительными первого десятка: *иш* «один», *арай* «три», *how* «девять». В прошлом шугнанцами использовались сложные числительные, образованные различными комбинациями количественных числительных первого десятка. Так, числительные 20, 30, 50 и так далее образовывались путем подстановки числительных от 1 до 9 перед числительным *t\йс* «десять»: *thy thus* «двадцать», *ара thus* «тридцать»,

thuc «пятьдесят». (ср. аналогично в древнерусском языке: *два* - *десяти* «двадцать», *три* - *десяти* «тридцать»).

Числительное 100 образовывалось повтором числительного *thuc* «десять»: *thuc-thuc* «сто». Далее счет велся подстановкой числительных первого и последующего десятков. Подстановка числительных от 1 до 9 перед числительным *thuc-thuc* «сто» (буквально «десять-десять») использовалась для названия *хох thuc-thuc* «шестьсот». Числительные, обозначающие некруглые десятки, образовывались при помощи форманта *-at*, который стоял между составными частями числительного: *thucam wyed* «семнадцать», *aray thucam iuw* «тридцать один». В настоящее время собственно шугнанские числительные в шугнанском языке не употребляются. Вместо них используются числительные, заимствованные из таджикского языка.

Лексика, заимствованная из русского языка, в основном представлена существительными. Заимствования из других частей речи являются единичными. Объясняется это тем, что «заимствования оказываются мотивированы либо «пустотами» (лакунами) в языковой картине мира, то есть в концептуальном плане, либо недостаточной адекватностью последнего» (Серебрянников 1988:87), Существительные проникают в язык вместе с предметами или понятиями, которые они обозначают. Именно в словах, обозначающих новые предметы и явления, язык нуждается больше, чем в лексических элементах других частей речи: глаголах, союзах, наречиях и так далее.

Заимствования из русского языка в шугнанском рассматриваются в работе с двух позиций: 1) морфологического состава; 2) способа грамматического оформления в шугнанском языке.

Шугнанским языком из русского заимствуются самые различные по своему морфологическому составу существительные. Основную массу заимствований составляют слова с неприводимой основой: *дач*<*дача*, *журнал*<*журнал*, *зал*<*зал*, *кивас*<*квас*. Значительную группу слов

составляют мотивированные существительные: *насылка* < *посылка*, *тирийомник* < *приемник*, *накрыйшка* < *покрышка*. Кроме слов с производной и непроизводной основами, в числе заимствований следует выделить русские сложносокращенные существительные и аббревиатуры, которые в шугнанском языке воспринимаются как цельные, нечленимые слова: *универмаг* < *универмаг*, *горнд* < *горно* «городское потре-бительское общество»; *прафсаюз* < *профсоюз*, *медбират* < *медбрат*; *вайенкамат* < *военкомат*, *РСФСР* (*эр-эс-эф-эс-эр*), *ЦСКА* (*цээска*), *вуз*. Значительную группу заимствований из русского языка в шугнанском составляют сложные слова, образованные соединением двух или нескольких слов в процессе морфологического словопроизводства: *пароход* < *пароход*, *тепловбз* < *тепловоз*, *самд\чор* < *самовар*.

Следует оговориться, что вышеприведенный анализ морфологического состава существительных произведен с точки зрения современного русского языка. Морфологическая структура существительных изменяется при заимствовании шугнанским языком. Большинство русских производных слов в шугнанском языке подвергаются опрощению, то есть производная основа слова превращается в непроизводную, слово теряет свою членимость на морфемы: *балнийц* < *больница*, *варёне* < *варенье*, *извешён* < *изеещение*, *лочик* < *летчик*. Изменения в морфологической структуре заимствованных слов вызываются отсутствием в словарном составе шугнанского языка соотносительных производящих основ или родственных слов. К тому же изменяется и звуковой состав заимствований. То же можно сказать и о сложных словах, где русские корни входят в состав композиций и вне этих композиций в шугнанском языке не употребляются: *верталдт* < *вертолет*, *колхоз* < *колхоз*, *самасвал* < *самосвал*.

В отличие от слов, заимствованных из таджикского языка, заимствования из русского обладают категорией рода в языке-источнике. В русском языке, как уже отмечалось, в отличие от шугнанского, где различаются лишь мужской и женский род, существительные

распределяются по трем родам: мужскому, женскому и среднему. В шугнанском языке существительные не сохраняют своей родовой соотнесенности языка-источника, причиной чего является не столько двуполярность рода в шугнанском языке и трехполярность рода в русском, сколько различный принцип родовой дифференциации в русском и шугнанском языках. Морфологически род имен существительных в русском языке определяется характером основы и окончания. В шугнанском языке существительные, за исключением ограниченного количества слов, распределяются по родам в соответствии с принципом соотнесенности с определенными лексико-семантическими группами, который лежит и в основе родовой дифференциации заимствованных из русского языка существительных, что еще раз подтверждает последовательность названного принципа. Так, к женскому роду относятся:

- 1) терминология литературы и искусства: *раман*<*роман*, *гитар*<*гитара*, *гармошка*<*гармошка*;
- 2) названия машин и механизмов: *мдшин*<*машина*, *телевйзур*<*телевизор*, *самалдт*<*самолет*, *ситандк*<*станок*;
- 3) канцелярская терминология: *извешён*<*извещение*, *кивитанц*<*квитанция*, *сипирафка*<*справка*, *вйгавор*<*выговор*;
- 4) названия верхней одежды и головных уборов: *палтд*<*пальто*, *палаш*<*плащ*, *берёт*<*берет*, *кёпка*<*кепка*;
- 5) названия посуды: *самом;др*<*самовар*, *кастирул*<*кастрюля*, *ситакан*<*стакан*, *тарёлка*<*тарелка*;
- 6) названия различных напитков: *вино*<*вино*, *вдтка*<*водка*, *кивас*<*квас*, *пйва*<*пиво*;
- 7) названия различных сооружений: *ситадиун*<*стадион*, *канал*<*канал*, *фантан*<*фонтан*, *дач*<*дача*.

К мужскому роду относятся:

- 1) названия одежды (кроме верхней одежды и головных уборов): *галистук*<*галстук*, *майка*<*майка*, *юпка*<*юбка*, *тирусак*<*трусы*;

- 2) военная терминология: *акон*<*окон*, *офцёр*<*офицер*, *пдлк*< *полк*, *отрад* <*отряд*;
- 3) названия пищевых продуктов: *булка*<*булка*, *калбаса*<*колбаса*, *тдрт*<*торт*, *варёне*<*варенье*;
- 4) спортивная терминология: *баскётбол*<*баскетбол*, *валёбол*<*волейбол*, *тёнис*<*теннис*, *бдкц*<*бокс*;
- 5) названия строительных материалов: *фанар*<*фанера*, *шйфир*<*шифер*, *бетун*<*бетон*, *паркёт*<*паркет*;
- 6) названия различных частей машин и механизмов: *матдр*<*мотор*, *радиатур*<*радиатор*, *балун*<*баллон*, *пидал*<*педаль*;
- 7) названия горюче-смазочных материалов: *бензйн*<*бензин*, *керасйн* < *керосин*, *нёфт*<*нефть*, *саларка*<*солярка*.

Исследуемый заимствованный материал показывает, что в случаях совпадения лексико-семантической группы заимствований из таджикского и русского языков, совпадает и их соответствие с мужским или женским родом.

Таким образом, как и при родовой дифференциации заимствований из таджикского языка, соотносительность заимствований из русского языка так же ни в коей мере не зависит от состава корневых гласных. Заимствования из русского языка перераспределяются по родам в шугнанском языке по принципу соотносительности с определенными лексико-семантическими группами. Основным средством определения родовой принадлежности русских заимствований, как и заимствований из таджикского языка, остается синтаксический способ, когда род определяется по связи заимствованных слов с дифференцированными по роду прилагательными, глаголами и указательными местоимениями. Заимствованные из русского языка существительные также способствуют развитию универсального синтаксического способа родовой дифференциации. При этом местоимения, прилагательные и глаголы оформляются в соответствии с родом существительного, хотя у существительного нет формального показателя

рода: «*Де майка тар му дак*» (указательное местоимение *де* согласуется с существительным мужского рода *майка*) - «*Подай мне майку*» (буквально - «этот майку»). «*Дам сстовор азуданд Сар кинет*» (указательное местоимение «*дам*» согласуется с существительным женского рода «*самовор*») - «*Уберите отсюда (буквально «эту») самовар*».

Особую группу среди заимствований составляют существительные общего рода. Это в основном слова, называющие лиц по профессии, должности, роду занятий и так далее. В современном русском языке они рассматриваются как существительные с формальными признаками мужского рода, которые употребляются также для обозначения лиц женского пола, не изменяя при этом своих грамматических показателей. В шугнанском языке род данной группы существительных выражается синтаксическими средствами и определяется в зависимости от конкретного употребления в речи: «*Дирёктур пизоЗ тойд*» (глагол «*тойд*» «*ушла*» согласуется с существительным «*дирёктур*» в женском роде) - «*Директор давно ушла*». «*Дирёктур пизов туйд*» (глагол «*туйд*» «*ушел*» согласуется с существительным «*дирёктур*» в мужском роде) - «*Директор давно ушел*».

Таким образом, заимствованные из русского языка слова в шугнанском языке не имеют родовой соотнесенности с языком-источником, а перераспределяются по родам по законам шугнанского языка. Среди морфологических, лексических и синтаксических средств выражения категории рода для заимствованных слов приемлемым является лишь синтаксический способ.

Большая часть заимствованных существительных обозначает предметы, поддающиеся счету. Они могут сочетаться с количественными числительными: *арай тарёлка* - «*три тарелки*», *пинз галистук* - «*пять галстуков*». Такие имена существительные имеют соотносительные формы единственного и множественного числа. Шугнанцы все существительные заимствуют, как правило, в исходной форме, то есть в форме единственного числа именительного падежа. В шугнанском языке у исходных

существительных в форме единственного числа нулевая морфема. Слово равно корню: *жует* «рука», *ангйхт* «палец». Как было отмечено выше, заимствованные из русского языка существительные в шугнанском языке не членятся на морфемы и существительные в форме единственного числа в заимствованных словах приравниваются к непрямой основе: *шапка* < *шапка*, *кёпка* < *кепка*, *медал* < *медаль*. Множественное число от заимствованных слов образуется морфологическими средствами шугнанского языка, преимущественно суффиксальным способом.

В функции формообразующего суффикса множественного числа в шугнанском языке используется также слово *хел* «сорт», которое в сочетании с существительными утрачивает свое лексическое значение: *капйрка* < *копирка*, *капиркахёл* - «копирки», *пирицён* < *прицеп*, *пирицехёл* «прицепы». Семантическое различие суффикса -ён (-йен) и суффикса -хёл заключается в том, что суффикс -ён (-йен) употребляется в значении «более одного», а суффикс -хёл - в значении «множество».

Множественное число образуется при помощи суффиксов -ён (-йен) и -хёл: *шахмат* - *шахматён* - *шахматхёл*, *макарун* - *макарунён* - *макарунхёл*; *абдй* - *абдйён* - *абдйхел*. Множественное число образуется также и от заимствованных несклоняемых существительных: *палтд* < *пальто* - *палтоён* - *палтбхёл*, *купё* < *купе* - *купейён* - *купехёл*.

2.3. Образование собственно шугнанских слов на базе заимствований из русского языка

Войдя в лексическую систему шугнанского языка, заимствованные из русского языка существительные не составляют в нем какой-то обособленный лексический пласт, а являются «строительным материалом» для образования новых слов. Русские заимствования легли в основу производных слов, состоящих из русских основ и словообразовательных

аффиксов шугнанского языка. Одним из продуктивных способов образования новых слов от заимствованных основ является суффиксальный. Наиболее продуктивными суффиксами шугнанского языка, образующими новые слова от заимствований из русского языка, являются следующие:

1. Суффикс *-(й)ё* образует: а) от названий сельскохозяйственных культур существительные со значением участка, предназначенного для засева названной культурой (*памидбр*<*помидор*, *памидбрёч*, «участок для засева помидором», *картушка*<*картошка*, *картушкайё* ч «участок для засева картофелем»); б) имена существительные, называющие материал, предназначенный для изготовления чего-либо (*куртка*<*куртка* *курткайё* ц «материал для шитья куртки», *пилтка*<*пилтка* *пилткайё* ц «материал для шитья пилток»).

2. Суффикс *-е (-йе)* образует имена существительные со значением рода занятий, деятельности, названного основой: *шдфир*<*шофер* *шофире* «работать шофером», *духтур*<*доктор* *духтуре* «работать врачом».

3. Суффикс *-зор* образует имена существительные, указывающие на изобилие чего-либо: *лимун*<*лимон* *лимунзор* «место, изобилующее лимоном», *йблка*<*елка* *йолказор* «место, изобилующее елкой». В этом значении также может использоваться и суффикс *-истун*.

4. Суффикс *-гар* образует имена существительные со значением рода деятельности: *винб*<*вино* *виногар* «винодел», *пелимен*<*пельмени* *пелименгар* «готовящий пельмени».

5. Суффикс *-бун* образует имена существительные со значением «лицо, охраняющее что-либо»: *лагер*<*лагерь* *лагербун* «охраняющий лагерь», *дач*<*дача* *дачбун* «охраняющий дачу».

6. Суффикс *-дун* образует имена существительные со значением вместилища: *пудре*<*пудра* *пудредун* «пудреница», *ручка*<*ручка* *ручкадун* «пенал».

Как и от заимствований из таджикского языка, от большинства заимствованных из русского языка существительных с конкретным

значением образуются слова с дополнительными эмоциональными оттенками, которые возникают в результате присоединения суффиксов субъективной оценки -ик и -ак. Первый формант придает существительным уменьшительно-ласкательное значение: *салдат* < *солдат солдатик*, *шарик* < *шарик шарикик*. Суффикс -ак придает существительным уменьшительно-пренебрежительный оттенок: *мошйн* < *машина мошинак*, *шарф* < *шарф шарфак*.

Малопродуктивен в сфере существительных способ образования слов путем сложения основ. Из трех типов копулятивного сложения в заимствованиях из русского языка используется лишь сложение, когда в новообразованиях второй компонент является бессмысленной аллитерацией первого компонента с переходом начального согласного в «п» или «м»: *белат-мелат* «билет и что-нибудь подобное», *кинб-тинд* «кино или что-нибудь подобное». Несколько шире представлены детерминативные сложения. По характеру основ-компонентов детерминативные сложения можно разделить на: 1) сложения, образованные сочетанием двух существительных: *лэнтцдй* «место для ленты» (*лэнт* < *лента*, *цой* «место»), *м>уксусбуй* «запах уксуса», (*ууКсус* < *уКсус*, *буй* «запах»); 2) сложения, образованные сочетанием прилагательного и существительного: *тёрпагун* «чернопогонник» (*тёр* «черный», *пагун* < *погон*), *цуй^пербт* «с острым пером» (*йуу* «острый», *пербт* < *перо*); 3) сложения, образованные сочетанием существительного с причастием на -ич, со значением действующего лица и названия орудия труда: *уутуКthathm* «гладильщик» (*м?утук* < *утюг*, *thathun* «делающий»), *виндбирэзйч*, «пьющий вино» (*винд* < *вино*, *бирэзйц* «пьющий»); 4) сложения, образованные сочетанием числительного и существительного (+ суффикс - а): а) *тйубалкуна* «имеющий два балкона» (*thy* «два», *балкун* «балкон»), б) *арайэтажа* «трехэтажка» (*арай* «три», *этажс* < *этажс*); 5) сложения, образованные сочетанием существительного с основой инфинитива (+ суффикс - ак): *футблблэхтак* «состязание в футболе»

(*футбдл* < футбол, *бѣхт* < бехтбм > «играть»), *КаниудwethdaK* «состязание в метании копья» (*канийд* < копье, *wethd* < [^]thdow «метать»).

От заимствованных из русского языка существительных при помощи суффиксов образуются имена прилагательные, наиболее продуктивными из них являются следующие:

1) суффикс -ин (-йин) образует имена прилагательные со значением «приготовленный из материала, названного основой»: *пластилин* < *пластилин* > *пластилинин* «пластилиновый», *алебастир* < *алебастр* > *алебастирин* «алебастровый»;

2) суффикс -ё (йе) образует от имен существительных относительные прилагательные со значением «принадлежащий кому-либо»: *колхоз* < *колхоз колхозе* > «колхозный», *институт* < *институт* > *институте* «институтский»;

3) суффикс -дор образует прилагательные со значением обладания чем-либо: *решетка* < *решетка* > *решоткадор* «имеющий решетку, решетчатый», *карниз* < *карниз* > *карниздор* «имеющий карниз».

Шугнанским языком заимствованы из русского языка суффиксы, образующие фамилии и отчества, причем форманты -ов, -ова, -оеич, -овна используются в именах, оканчивающихся на согласный -ев, -ева, -евич, -евна в именах, оканчивающихся на гласный. Данные суффиксы образуют фамилии и отчества от собственно шугнанских имен: *Камол* - *Камолович* - *Камоловна* - *Камолов* - *Камолова*; *Мирзо* - *Мирзоев* - *Мирзоева* - *Мирзоевич* - *Мирзоевна*.

Контактирование языков вызывает такое интересное, на наш взгляд, явление, как активизация отдельных грамматических форм. На данном этапе развития шугнанского языка это наглядно можно проиллюстрировать примером социолингвистического анализа форм вежливости. В таджикском и русском языках в общении двух людей могут использоваться два местоимения: местоимения в форме второго лица единственного и множественного числа «ты» и «вы» в значении «ты» («Вы»). Местоимение

«ты» используется: а) при неофициальном общении; б) при обращении вышестоящего или старшего к нижестоящему или младшему. Местоимение «Вы» используется: а) при уважительном обращении к старшим; б) при официальном общении. В современном шугнанском языке форма обращения на «Вы» отсутствует. Следует отметить, что еще в начале столетия данная форма употреблялась, но только по отношению к высшим служителям культа (при этом сохранялось обращение на «ты» с богом, что следует отнести к одной из форм интимного общения). С ослаблением позиции религии форма общения на «Вы» вышла из употребления, и уже под влиянием таджикского и русского языков собственно шугнанская форма «*Тама*» - «*Вы*» вновь начинает употребляться, причем, не только в своей прежней исконной форме, но и с указанными выше значениями: «*Молим, Тама маш кате на сётд?*» - «*Учитель, а Вы с нами не пойдете?*».

Таким образом, заимствованная из таджикского и русского языков лексика не является чем-то инородным в шугнанском языке. Заимствования органически входят в язык, не нарушая веками выработанных грамматических законов, наделяются грамматическими категориями, отсутствующими у заимствований в языке-источнике. Заимствованная лексика служит базой для многочисленных производных, образованных от заимствованных основ посредством присоединения шугнанских языковых элементов. Участие заимствований в образовании новых слов способствует как количественному обогащению лексики заимствующего языка, так и его качественному развитию. Заимствованная лексика не приводит к утрате специфики заимствующего языка. Количественные накопления могут привести лишь к развитию уже существующих в языке собственных грамматических категорий (см. числительные шугнанского языка). Шугнанским языком из таджикского и русского заимствовались самые различные по своему составу слова: непрямые (корневые), производные, сложные и сложносокращенные. Проникнув в язык, они распределяются по частям речи, при необходимости оформляются

аффиксами шугнанского языка. Следствием языковых контактов является активизация отдельных грамматических форм (см. развитие формы «Вы» в шугнанском языке). Следует отметить, что проблема морфологической характеристики заимствований является неизученной в памирском языкознании. Нами намечены самые общие положения теоретического анализа области межъязыковых взаимоотношений. Типизированы те явления, которые поддаются учету. Рассмотренный нами материал подтверждает, что проницаемость грамматического строя шугнанского языка обусловлена социально взаимодействием шугнанского, таджикского и русского языков.

Обратившись к перечню причин заимствования, вслед за Л. П. Крысиным, отмечаем следующие социальные причины: 1) потребность в наименовании новой вещи, нового явления и т. д. 2) необходимость разграничить содержательно близкие, но все же различающиеся понятия. 3) необходимость специализации понятий - в той или иной сфере, для тех или иных целей. 4) тенденция, заключающаяся в том, что цельный, не расчлененный на отдельные составляющие объект должен и обозначаться "цельно", нерасчлененно, а не сочетанием слов. 5) социально-психологические причины и факторы заимствования: восприятие всем коллективом говорящих или его частью иноязычного слова как более престижного, "ученого", "красиво звучащего", а также коммуникативная актуальность обозначаемого понятия (Крысин 1996: 58).

Исследование результатов воздействия таджикского и русского языков на бесписьменный шугнанский дает основания выделить два типа языковых контактов: 1) длительное и глубокое влияние таджикского языка, используемого шугнанцами в качестве литературного; 2) одновременное воздействие таджикского и русского языков в последнее столетие, интенсивность и сила влияния двух языков на шугнанский связаны с развитием социально значимого сначала шугнано-таджикского, а затем и шугнано-русского билингвизма.

Глубина воздействия литературных языков определяется более длительным историческим сроком контактов таджикского и шугнанского языков. Такие контакты отразились не только в заимствовании целых пластов тематических и лексико-семантических групп слов, но и в вытеснении исконных лексико-грамматических разрядов - числительных, в формировании новой словообразовательной морфемике. Влияние русского языка на шугнанский обусловлено преимущественно появлением новых предметов, понятий и явлений в жизни шугнанцев, вместе с которыми в их язык прони-кали и названия данных реалий объективной действительности.

Являясь бесписьменным, шугнанский язык представляет собой открытую языковую систему, на которую воздействуют литературные языки, обладающие большим объемом общественных функций. Вместе с тем жизнеспособность шугнанского языка проявляется в силу своего системного характера, которым обладает любой язык. Длительное и активное воздействие таджикского языка на шугнанский не сказалось коренным образом на его фонетической и грамматической системах: несмотря на то, что шугнанский язык обладает ограниченным объемом общественных функций - используется только в сфере семейно-бытового и неофициального общения, в условиях активного и массового полилингвизма, он совершенствуется и обогащается за счет различных лингвистических единиц иноязычного происхождения, мобилизуя одновременно свои внутренние языковые ресурсы.

Проблема заимствования в определенной мере связана с культурой речи, которая для бесписьменного языка может казаться надуманной. Культура речи в бесписьменном языке имеет свои параметры и критерии: нельзя любое заимствование считать элементом системы заимствующего языка. На наш взгляд, заимствование можно считать элементом структуры и системы только в том случае, если усвоение происходит на фонетическом, лексикосемантическом и грамматическом уровнях, т.е. является системным.

Активизация процесса заимствования в современном шугнанском языке не поддается насильственному сдерживанию и является, с точки зрения системологии, естественной тенденцией, которая может получить различное развитие в языковой системе: постепенно снизиться или, наоборот, продолжать усиливаться. Дальнейшее развитие этой тенденции зависит, в первую очередь, от объективных потребностей языковой системы в целом, в первую очередь, от ее коммуникативных нужд, от реального статуса шугнанского языка как основного коммуникативного средства на территории Шугнана.

Заимствование является не синхронным явлением, а процессом, во время которого происходит постепенное продвижение от разовых, окказиональных использований данного заимствования, по пути его постепенного освоения средствами языковой системы и, в конце концов, включения его как полноправного элемента в систему языка-рецептора с присвоением характеристик, свойственных исконным единицам соответствующих классов. Процесс этот не обязательно развивается поступательно, так, любая из заимствованных единиц по внутри- и внеязыковым причинам может выпасть из языка-рецептора и не быть им усвоенной. Особенно активно это выпадение происходит на начальных ступенях заимствования.

Внутренняя причина заимствований состоит в том, что языковая система пластична в своей способности адаптироваться к функциональным требованиям окружающей среды. Заимствование - это способ языковой системы соответствовать своей функции, и, следовательно, закономерна активизация этого процесса в современном обществе, где политическая, идеологическая открытость привели к открытости языка для внешних воздействий.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ II

Анализ привлеченного материала позволяет сделать следующие выводы:

1. Лексическая система бесписьменного шугнанского языка испытывает влияние древнеписьменного таджикского и старописьменного русского языков. Это влияние происходит в условиях отсутствия нормализующего влияния литературной формы существования шугнанского языка, что обуславливает стихийный характер проникновения иноязычных слов.
2. Иноязычные слова обладают высокой степенью интеграции в словарном составе шугнанского языка, так как большинство из них испытали влияние фонетической, лексико-семантической, словообразовательной и морфологической систем родного языка шугнанцев и прошли путь от неассимилированных (неадаптированных), сохранивших все свойства языка-источника до испытавших семантическую, фонетическую и грамматическую трансформацию. Несвойственные шугнанскому языку звуки в заимствованных словах заменяются близкими по артикуляционно-акустическим характеристикам исконными звуками, изменяется место ударения.
3. Влияние таджикского и русского языков в различные исторические периоды было различным. Воздействие таджикского языка на лексическую систему шугнанского было более значительным до революции, в то время как русский язык в тот период не оказывал никакого влияния. Шугнанский язык заимствовал из таджикского в основном слова из сферы быта, религии, торговли, военную терминологию, термины, связанные с общественно-экономической формацией и другие. После революции влияние русского языка сказывается почти во всех областях шугнанского языка. В него огромным потоком вливаются советизмы, термины различных отраслей науки, образования, вместе с новыми реалиями в язык приходят и их названия. Воздействие таджикского языка на лексическую систему шугнанского сокращается.

4. Важную роль в обогащении словарного состава шугнанского языка таджикский и русский языки сыграли и как языки-посредники. Так, через посредство таджикского шугнанский язык заимствовал слова из арабского и тюркского языков, русский язык служит посредником между шугнанским и западноевропейскими языками, латинским и древнегреческим. Высокая степень проникновения иноязычных слов обусловлена не только бесписьменной формой существования шугнанского языка, но фактором номинативной актуальности: потребностью в обозначении новых реалий, а также коммуникативной актуальности - чем частотнее или употребительнее данное слово в языке-источнике, тем быстрее оно проникает в шугнанский язык.

5. В процессе взаимодействия и взаимовлияния шугнанского, таджикского и русского языков наблюдаются следующие явления: а) появляются новые слова, обозначающие реалии, ранее неизвестные шугнанцам; б) на базе заимствованной лексики создаются производные со служебными шугнанскими морфемами; в) исконные шугнанские слова вытесняются, заменяясь иноязычными; г) в шугнанском языке могут сосуществовать синонимы или слова-дублиеты, состоящие как из исконных и заимствованных, так и только из заимствованных слов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате изменения языковой ситуации и реализации национально-языковой политики в многонациональном Таджикистане сложились условия сосуществования языков больших и малых народов, среди которых таджикский, русский, узбекский, языки малых народностей Памира. Сосуществование разноязычных народов в едином государстве привело к их контактированию и распространению различных типов и форм двуязычия и многоязычия. С развитием контактов между народами на территории ГБАО в различные исторические периоды таджикский и русский языки наделялись разными функциональными особенностями. Изменялась и функциональная нагрузка самих памирских языков.

Ограничение общественных функций тех или иных языков обусловлено этническими условиями республики: одни языки обладают большим, другие — меньшим объемом общественных функций. В Республике Таджикистан можно выделить три социолингвистические зоны: северную зону (характеризуется высоким престижем таджикского, узбекского и русского языков), южную зону (характеризуется высоким престижем таджикского и русского языков). В этой зоне можно выделить две субзоны: Джиргитальский район (характеризуется высоким престижем киргизского, таджикского и русского языков) и Шаартузский и Турсунзадевский районы (характеризуются высоким престижем узбекского, таджикского и русского языков). Третья социолингвистическая зона - восточная или бадахшанская (характеризуется широким использованием местных языков, таджикского и русского языков). В данной зоне следует также выделить субзону - Мургабский район (характеризуется широким использованием киргизского, таджикского, русского и шугнанского языков). Основными языками, определяющими стержень социально-коммуникативной системы ГБАО, являются таджикский, русский и этнические языки малых народностей Памира, а функционирование

национально- таджикского и национально-русского двуязычия является определяющим фактором языковой жизни данного региона.

Несмотря на достаточный уровень исследования памирских языков, вопрос разграничения языков и диалектов до сих пор остался не до конца решенным. В языкознании отсутствуют достаточные теоретические обоснования для разграничения языка и диалекта, а также правомерности выделения того или иного диалекта, говора или наречия. В основном разграничение языка и диалекта связывают с литературной (письменной) и нелитературной (устной) формой существования языка. При анализе бесписьменных языков и диалектов (в частности шугнано-рушанской группы языков) данная проблема еще более усложняется.

Для малых народов Памира влияние русского языка и русской культуры оказывает противодействие ассимиляционным процессам, которые могли бы иметь место, если бы памирские народности испытывали воздействие только таджикского языка и таджикской культуры. Такое одностороннее и однополярное воздействие на шугнанский язык и шугнанскую культуру действительно могло привести к таджикизации. Нейтрализация ассимилятивных процессов обусловлена тем, что малые народы, их языки и культуры имеют возможность находиться в пространстве двух функционально активных языков и культур. Однополярное двуязычие, в отличие от полилингвизма (двуполярного (биполярное) двуязычия), обладает большей силой воздействия на ассимилятивные процессы. Как это ни звучит парадоксально, но многоязычие способствует сохранению родного языка. Об этом свидетельствуют не только история памирских народностей, но и материалы взаимодействия языков Дагестана и языков народов Севера.

Путем анкетирования и опроса (сплошному, частичному и выборочному анкетированию было подвергнуто около 2,5 тыс. человек) мы попытались оценить современное состояние шугнано-таджикско-русского многоязычия. Анализ показал, что в Шугнane, представленном однонациональным населением, основным каналом распространения

шугнано-таджикско-русского многоязычия является изучение русского языка в общеобразовательной и высшей школе, а также средства массовой коммуникации: телевидение, кино, печать, радио. Различные условия функционирования таджикского и русского языков отражаются и в активности/пассивности проявления шугнано-таджикско-русского многоязычия, и в степени владения таджикским и русским языками. Вместе с тем исследование показало, что значительная часть шугнанцев, занятых в общественном производстве, владеет основным шугнано-таджикско-русским типом полилингвизма, что демографический фактор оказывает решающее влияние на уровень распространения шугнано-таджикско-русского многоязычия.

Изучение характера, интенсивности и регулярности проявления интерференции в таджикской и русской речи различных категорий шугнанцев показало, что на пути к совершенному знанию таджикского и русского языков билингв овладевает рядом промежуточных форм двуязычия, которые характеризуются различной степенью проявления интерференции на фонетическом, лексико-семантическом и грамматическом уровнях.

Как показывает наше исследование, в таджикской и русской речи шугнанцев фонетическая интерференция является устойчивой, представляя собой результат не только структурных различий фонологических систем родного, таджикского и русского языков, но и следствие различий конкретных реализаций фонем в потоке речи. В системе вокализма на русскую речь шугнанцев решающее влияние оказывает качественная редукция гласных звуков, а в системе консонантизма - фонематическая реализация русских коряливных согласных по признаку мягкости/твердости. Фонетическая интерференция различных видов вызывается также комбинаторными различиями, в частности, сочетанием гласных с мягкими согласными и скоплением согласных в начале русских слов.

Лексико-семантическая интерференция в таджикской и русской речи шугнанцев обусловлена сложной семантической структурой и стилистическими свойствами используемых таджикских и русских слов. Наиболее часто интерференция вызывается при употреблении исконных многозначных и однокоренных слов, а также единиц с абстрактной семантикой. Шугнанец предпочитает использовать слова в их основных номинативных значениях, а употребление производно-номинативных или переносных значений чаще приводит к лексико-семантической интерференции. Неразличие семантики однокоренных слов, использование слов с родовым значением вместо видовых и, наоборот, смешение стилистических параметров вызывают лексико-семантическую билингвальную паронимию. Подобная интерференция обусловлена не только различием семантической структуры слов родного и второго (третьего) языков, но и внутренними закономерностями функционирования слов в самом таджикском или русском языке, следствием которых являются выделенная нами межъязыковая и внутриязыковая интерференция.

Системный характер языка наиболее четко и последовательно проявляется при овладении грамматическим строем второго языка. На первом этапе овладения вторым языком влияние системы родного языка и родной речи является решающим в проявлении множественного характера интерференции. На втором этапе системность языка вызывает явление саморегуляции: усвоенные правильные навыки и умение порождения речи на втором языке, образуя свою собственную систему, начинают оказывать влияние на продуцирование новых правильных речевых клише и стереотипов, речевых произведений. Иными словами, неправильная, насыщенная интерференцией второязычная речь закономерно порождает неправильную речь, а правильно усвоенные речевые стереотипы второго языка обуславливают порождение правильной речи. Двуязычие начинается тогда, когда человек в состоянии высказываться и понимать сообщения на двух (и более) языках.

В заключение следует отметить, что перед памироведами стоят большие задачи по исследованию нерешенных проблем многоязычия в регионе, в том числе лингвистических и социолингвистических

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Абашидзе Ф.Х. Национальные меньшинства и право на самоопределение (международно-правовые проблемы) //Этнографическое обозрение. 1995. №2. С. 149-158.
2. Аврорин В.А. Двуязычие и школа// Проблемы двуязычия и многоязычия. М.: Наука, 1972. С.49-62.
3. Аврорин В.А. О проблеме социальной лингвистики // Всесоюзная научная конференция по теоретическим вопросам языкознания, 11-16 ноября 1974. Тезисы докладов и сообщений пленарных заседаний. М., 1974.С.6-12.
4. Аврорин В.А. О предмете социальной лингвистики// Вопросы языкознания. 1975. №4. С.11-17.
5. Аврорин В.А. Проблемы изучения функциональной стороны языка. Л., 1975.276 с.
6. Агаев А.Г. Функции языка как этнического признака // Язык и общество. М., 1968.
7. Арутюнов С. Этнические процессы и язык // А.С. Герд. Введение в этнолингвистику: Курс лекций и хрестоматия. 2-е изд., исправл. - СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2005. С. 155-174.
8. Аюпова Л.Л. Государственный язык: дефиниции, статус и функционирование // Вопросы филологии, 2000. №2. С.31-37.
9. Базиев А.Т., Исаев М.И. Язык и нация. М.: Наука, 1973. 247 с.
10. Бакаев Ч.Х. Роль языковых контактов в развитии языка курдов СССР. М., 1977. 146 с.
11. Баскаков А.Н. Некоторые замечания по поводу законов о языке//Русский язык. М., 1991. №4. С.6-15.
12. Баскаков А.Н. Типы языковых конфликтов в регионе Средней Азии и Казахстана // Язык в контексте общественного развития. М., 1994. С.171-180.

13. Баскаков А.Н., Насырова О.Д., Давлатназаров М. Языковая ситуация и функционирование языков в регионе Средней Азии и Казахстана. М., 1995. 165 с.
14. Баскаков Н.А. Введение в изучение тюркских языков. М., 1969. 160с.
15. Беликов В.И., Крысин Л.П. Социоллингвистика. М., 2001. 438с.
16. Белл Р.Т. Социоллингвистика: цели, методы и проблемы. М.: Международные отношения, 1980. 318 с.
17. Бердыева Т.А. Лингвистические и экстралингвистические причины арабских заимствований. Душанбе. 1971. 230с.
18. Бердыева Т. Тенденция развития лексики таджикского языка советского периода. Душанбе. 1972. 178 с.
19. Билингвизм в теории и практике [Редкол.: З. У. Блягоз, Х. З. Багироков, Л. С. Макарова]. Майкоп: Изд-во Адыг. госуниверситета, 2004. 198 с.
20. Блумфильд Л. Язык. - М.: Прогресс, 1968. 607 с.
21. Брагина А.А. «Свое» и «чужое»: О заимствованной лексике и роли синонимии//Русская речь. 1976, №6. С.50-55.
22. Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие // Новое в лингвистике. Вып. 6. М.: Прогресс, 1972. С.25-61.
23. Вайнрайх У. Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования. Пер. с англ. Киев, 1979. 263 с.
24. ВерещагинЕ.М. О проблеме заимствования фонем//Язык и общество. М., 1968. С.161-170.
25. ВерещагинЕ.М. Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма). М.: Изд-во МГУ, 1969. 160 с.
26. Взаимодействие и взаимообогащение языков народов СССР. М., 1987. 319с.
27. Взаимоотношение развития национальных языков и национальных литератур. М., 1980. 321с.

28. Вопросы памирской филологии. Выпуск 3. Душанбе, 1985. С.1-141.
29. Григорьев В.П. Культура языка и языковая политика// Общественные науки и современность, 2003, №1. С. 143-157.
30. Григорьев В.П, Исаев М.И. О культуре русской речи у нерусского населения СССР // Русская речь. 1967. №6. С.9-19.
31. Григорян Э.Я. Свой и чужой // Русская речь. 1994. №3. С.14-21.
32. Давлатназаров М. Методы изучения заимствований в бесписьменном языке (на материале шугнанского языка) // Методы социолингвистических исследований. М., 1995. С. 53-61.
33. Дешериев Ю.Д. Развитие младописьменных языков народов СССР. М., 1958. 263 с.
34. Дешериев Ю.Д. Грамматика хиналугского языка. М., 1959. 223 с.
35. Дешериев Ю.Д. Закономерности развития и взаимодействия языков в советском обществе. М.: Наука. 1966. 402 с.
36. Дешериев Ю.Д., Протченко И.Ф. Основные аспекты исследования двуязычия и многоязычия // Проблемы двуязычия и многоязычия. М.: Наука. 1972. С.26-42.
37. Дешериев Ю.Д. Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху. М.: Наука, 1976. 431 с.
38. Дешериев Ю.Д. Социальная лингвистика: К основам общей теории. М.: Наука, 1977. 382 с.
39. Дешериев Ю.Д. Проблемы взаимодействия и взаимообогащения языков народов СССР//Взаимовлияние и взаимообогащение языков народов СССР. М., 1987. С.7-31.
40. Джунусов М.С. Социальные аспекты двуязычия в СССР//Социология и идеология. М., 1969. С. 433-444.
41. Додихудоев Р.Х. Памирская микротопонимика: исследования и материалы. Душанбе, 1975. 163 с.
42. Ефимов В.А. Категория рода // Опыт историко-типологического исследования иранских языков. Т.П. М., 1975.

43. Ефремов А.П. Сущность лексического заимствования // Вестн. АН СССР. М., 1959. № 5. С.17-29.
44. Ефремов Л.П. Основы теории лексического калькирования. Алма-Ата, 1974. С. 12-144.
45. Зак Л.М., Исаев М.И. Проблемы письменности народов СССР в культурной революции//ЛЗопросы истории. 1966. № 2. С.3-20.
46. Зарубин И.И. Материалы и заметки по этнографии таджиков долины Бартанг // Отдельный оттиск из 5 тома Сборника музея Антропологии и этнографии при Российской АН. Петроград, 1917.
47. Зеркало. №6. Душанбе, 2005. 50 с.
48. Зеркало. №10. Душанбе, 2005. 64 с.
49. Ибрагимов Г.Х. Рутульский язык // Языки Российской Федерации и соседних государств. Энциклопедия в 3-х томах. Т. II. М.: Наука, 2001. С.493-502
50. Исаев М.И. Некоторые вопросы языкового развития и проблема культуры русской речи нерусских народов Советского Союза//Развитие литературных языков народов Сибири в советскую эпоху. Улан-Уде, 1965. С.157-177.
51. Исаев М.И. Языковое строительство как один из важнейших экстралингвистических факторов развития языка // Язык и общество. М.: Наука, 1968. С.81-99.
52. Исаев М.И. Языковое строительство в СССР: процессы создания письменностей народов СССР. М.: Наука, 1979. 350с.
53. Исаев М.И. Языки малочисленных народов СССР: проблемы функционирования и сохранения//Национально-языковые проблемы СССР и зарубежные страны. М., 1980.
54. Исаев М.И. Дашимов Р.И. Таджикско-русское двуязычие // Русский язык в национальных республиках Советского Союза. М.: Наука, 1980. С.30-46.

55. Исаев М.И. Социоллингвистические проблемы языков народов СССР. М.: 1982. 168 с.
56. Исаев М.И. Об актуальных проблемах языковой ситуации в нашей стране//Русская речь. 1990, № 4. С. 81-99.
57. Карамхудоев Н. Бартангский язык (фонетика и морфология). Душанбе, 1973. 366 с.
58. Карамшоев Д. О диалектном членении шугнанского языка //Иранская филология. Душанбе, 1970. С.71-80.
59. Карамшоев Д. Грамматический род абстрактных имен в шугнано-рушанской группе// Памирские языки и фольклор. Душанбе, 1972, вып.1. С.61-64.
60. Карамшоев Д. О специфике заимствованных слов в памирских языках (на материале шугнанского языка) // Памирские языки и фольклор. Душанбе, 1972а. С.83-97.
61. Карамшоев Д. Тюркские лексические элементы в памирских языках // Региональная конференция по диалектологии тюркских языков: Маловские чтения. Тезисы. Алма-Ата, 1975. С.129-132.
62. Карамшоев Д. Категория рода в памирских языках. Душанбе., 1978. 308 с.
63. Карамшоев Д. О функционировании памирских языков на современном этапе // Развитие языков в странах зарубежного Востока. М., 1983, с.98- 106.
64. Карамшоев Д. Шугнано-русский словарь. Т.1. М., 1988. 576с.
65. Козлов В.И. Этнос и хозрасчет (к проблеме национализма в СССР)//Советская этнография. 1991. №3. С. 18-33.
66. Косериу Э. Синхрония, диахрония и история// Новое в лингвистике. Вып.3 М., 1963.
67. Костомаров В.Г., Григорьева Л.Н., Хруслов Г.В. Функционирование русского языка: итоги, состояние, перспективы. Пленарный доклад на VII Конгрессе МАПРЯЛ. М.: Русский язык, 1990. 22 с.

68. Крысин Л.П. О причинах лексического заимствования // Русский язык в школе. 1965. -№3. С. 11-15.
69. Крысин Л.П. Иноязычные слова в современном русском языке. М., 1968. 208 с.
70. Крысин Л.П. Об украинизмах в современном русском языке//Взаимодействие и взаимообогащение языков народов СССР. М., 1987. С.167-173.
71. Крысин Л.П. О речевом поведении человека в малых социальных общностях (постановка вопроса) //Язык и личность. М.: Наука, 1989. С.78-86.
72. Крысин Л.П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. М.: Наука, 1989а. 186 с.
73. Крысин Л.П. О перспективах социолингвистических исследований //Русистика. Берлин, 1992, № 2. С. 96-106
74. Крысин Л.П. Владение языком: лингвистический и социокультурный аспекты // Язык, культура, этнос. М., 1994.
75. Крысин Л.П. Социальный контекст функционирования современного русского языка // Язык в контексте общественного развития. М., 1994а. С.47-61.
76. Курбон Мухаммадзода, Мухаббат Шозода. История Бадахшана (факсимильный текст на языке форси). М., 1973. 290с.
77. Лепская Н.И. Язык ребенка (Онтогенез речевой коммуникации). М., 1997.
78. Ломов А.М. Русский синтаксис в алфавитном порядке: Понятийный словарь-справочник./ Воронеж, изд-во Воронеж, гос. ун-та. 2004. 400 с.
79. Михайлов М.М. Родной язык в одноязычной и двуязычной ситуации // Вопросы фонетики, грамматики и фразеологии чувашского языка. Чебоксары, 1983. С. 3-15.
80. Муравьева И.А. Чередование гласных в шугнанском глаголе//Памирские языки и фольклор. Вып.1. Душанбе, 1972. С.41-47.

81. Назаршоев М. Социально-экономическое положение дореволюционного Памира. Душанбе, 1975. 282 с.
82. Народное хозяйство Таджикской ССР в 1980 году. Душанбе, 1982. 144с.
83. Негневицкая Е.И., Шахнарович А.М. Язык и дети. М., 1981.
84. Новое в лингвистике. Вып. б.Языковые контакты. М., 1972. 512с.
85. Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: восточная группа. М.: Наука, 1987. С.236-347.
86. Памироведение, вып. 1. Душанбе, 1984. 205с.
87. Панов М.В. Русская фонетика. М., 1967 256 с.
88. Поливанов Е.Д. Статьи по общему языкознанию. М.: Наука, 1968. 376с.
89. Попова З.Д., Стернин И.А. Общее языкознание. Воронеж, 2004. 208с.
90. Проблемы функционирования русского языка в Республике Таджикистан. Душанбе, 2006. 199с.
91. Розенцвейг В.Ю. Основные вопросы теории языковых контактов // Новое в лингвистике. М.: Прогресс, 1972а. Вып. 6. С. 5-22.
92. Розенцвейг В.Ю. Языковые контакты. Лингвистическая проблематика. Л.: Наука, 1972. 80 с.
93. Русская грамматика. В 2-х т. М., 1980. Т. 1 783с. Т.2 709с.
94. Соколова З.П., Новикова Н.И. Сорин-Чайков Р.В. Этнографы пишут закон: контекст и проблемы //Этнографическое обозрение. 1995. №1. С.74-85.
95. Соколова В.С. Генетическое отношение мунджанского языка и шугнано-язгулямской группы. Л., 1973
96. Соколова В.С., Грюнберг АЛ. История изучения бесписьменных языков/Ючерки по истории изучения иранских языков. М., 1962. С.118-132.
97. Стеблин-Каменский И.М Очерки по истории лексики памирских языков. Названия культурных растений. М.,1982. 168 с.

98. Стернин И.А. Общественные процессы и развитие современного русского языка. Очерк изменений в русском языке конца XX века. - Воронеж -Пермь: ЗУУНЦ, 1998. 75 с.
99. Таджикистан за годы Советской власти. Душанбе, 1967. 205с.
100. Ушакова О.С. (ред.) Диагностика речевого развития дошкольников. М, 1997.
101. Файзов М. Язык рушанцев Советского Памира. Душанбе, 1966. 288с.
102. Файзов М. Таджикское литературное произношение. Душанбе, 1985. 96с.
103. Ханазаров К.Х. Сближение наций и национальные языки в СССР. Ташкент, 1963.
104. Ханазаров К.Х. К проблеме двуязычия // Взаимодействие и взаимообогащение языков народов СССР. М.: Наука, 1969. С.216-220.
105. Хашимов Р И. Идентификация при билингвизме и некоторые вопросы интерференции.// Русский язык: Теория и методика преподавания. Душанбе, 1980.
106. Хашимов Р.И. Таджикско-русское двуязычие: социолингвистический аспект. Душанбе, 1986. 180 с.
107. Хруслов Г.В. Проблемы официального и неофициального использования языков в законодательстве многонациональных государств. // Решение национально-языковых вопросов в современном мире. СПб, 2003. С. 20-28.
108. Цейтлин С.Н. Язык и ребенок. Лингвистика детской речи. М., 2000. 240с.
109. Шамбезода Х.Д. Языковая ситуация в Горном Бадахшане: проблемы и перспективы. Душанбе, 1999. 116с.
110. Шамбезода Х.Д., Дубовицкая И.М., Гусейнова Т.В. Проблемы функционирования русского языка в Республике Таджикистан. Душанбе, 2006. 180 с.

111. Шанский Н.М. Лексикология современного русского языка. М.: Просвещение, 1972. 327 с.
112. Шахнарович А.М., Юрьева Н.М. Психолингвистический анализ семантики и грамматики. М., 1990. 165 с.
113. Эдельман Д.И. Проблема "язык или диалект" при отсутствии письменности (на материале памирских языков) // Лингвистическая география, диалектология и история языка. Ереван, 1978. С.85-94
114. Языки Российской Федерации и соседних государств. Энциклопедия в 3-х томах. Т. II. М.: Наука, 2001. 525 с.
115. Barker G.C. Social Functions of Language in a Mexican-American Community. - Tuscon (Arizona): The Univ. of Arizona press, 1972. - 56p.
116. Cannon G. Sociolinguistic implications in Chinese-language borrowings in English // Intern. j. of soc. Lang. - В.- # 4. - P. 69-87.
117. Haugen E. Instrumentalism in Language Planning // Can Language be Planning? Sociolinguistic Theory and Practice for Developing Nations / Ed. by J. Rubin, B. Jernudd. Honolulu: The Univ. Press of Hawaii, 1971.
118. Kreindler I.T. The Non-Russian Languages and the Challenge of Russian: The Eastern versus the Western Tradition // Sociolinguistic Perspectives on Soviet National Languages: Their Past, Present and Future / Ed. by I. T. Kreindler. Berlin, etc.: Mouton de Gruyter, 1984. (Contributions to the Sociology of Language; Vol. 40).
119. <http://review.e.nikolaev.ru/index.php/view>
120. www.asiaplus.tj

ПРИЛОЖЕНИЕ

